

18+

The New York Times Bestseller

ХРОНИКИ БЕЙНА

КАССАНДРА КЛЭР

Сара Риз Бреннан
Морин Джонсон

Сумеречные охотники

Кассандра Клэр
Хроники Бейна

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-312.2
ББК 84(7Сое)-44

Клэр К.

Хроники Бейна / К. Клэр — «Издательство АСТ»,
2014 — (Сумеречные охотники)

ISBN 978-5-17-115336-6

Одиннадцать захватывающих историй из жизни загадочного Магнуса Бейна. Неповторимый стиль и остроумие сделали его одним из самых популярных и любимых героев книг Кассандры Клэр.

УДК 821.111-312.2
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115336-6

© Клэр К., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Что на самом деле случилось в Перу	6
Королева-беглянка	27
Вампиры, булочки и Эдмунд Эрондейл	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Кассандра Клэр, Сара
Бреннан, Морин Джонсон**
Хроники Бейна
Сборник

Cassandra Clare
Mortal Instruments. The Bane Chronicles

Text copyright © 2014 by Cassandra Claire, LLC.
Jacket photo-illustration copyright © 2014 by Cliff Nielsen
Illustrations copyright © 2014 by Cassandra Jean

© М. С. Бажанова, Ю. В. Васильева, А. Н. Гришина, А. Н. Зайцев, Липка В. М., перевод
на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается ТК

Что на самом деле случилось в Перу

Магнус Бейн ужасно расстроился, когда Верховный совет колдунов запретил ему въезд в Перу. Не только потому, что плакаты с его фотографией, ходившие из рук в руки в перуанском Нижнем мире, совсем ему не льстили, но и потому, что он очень любил эту страну.

С ней было связано множество приятных воспоминаний, ведь именно там ему довелось пережить самые невероятные приключения.

Началось все в 1791 году, когда он предложил Рагнору Феллу прогуляться по Лиме и осмотреть достопримечательности.

1791 год

Магнус проснулся в придорожной гостинице в окрестностях Лимы, надел расшитый камзол, бриджи, начищенные до блеска сапоги с пряжками и спустился вниз, надеясь позавтракать. Но хозяйка гостиницы, полная длинноволосая женщина в черной мантилье, и не думала накрывать на стол. Вместо этого она взволнованно говорила с одной из служанок. Они обсуждали нового постояльца.

– По-моему, это морское чудище. Или водяной. Они ведь могут жить на суше? – шептала хозяйка.

– Доброе утро, дамы, – окликнул их Магнус. – Вижу, мой гость прибыл.

Женщины дважды моргнули. В первый раз – из-за его яркого наряда, во второй – из-за того, что он сказал, решил Магнус. Он весело помахал им рукой, вышел в широкие деревянные двери и проследовал через двор в общую комнату, где в дальнем углу притаился с кружкой чичи де молле¹ его друг, колдун Рагнор Фелл.

– Я закажу то же самое, – сказал Магнус служанке. – Только подождите. Мне три таких кружки.

– Скажи ей, чтобы и мне принесла. Эту я получил только потому, что мне было не лень долго объясняться на пальцах.

Магнус выполнил просьбу и снова посмотрел на Рагнора. Старый друг совсем не изменился. Он, как всегда, был угрюм и отвратительно одет, а кожа его была все того же насыщенно-зеленого цвета. Магнус часто радовался тому, что его собственное колдовское клеймо не так заметно. Иногда золотисто-зеленые кошачьи глаза с узкими зрачками доставляли ему неудобство, но при помощи легких чар он мог скрыть эту свою особенность. Даже если ему это не всегда удавалось, на свете все равно еще оставались женщины – как, впрочем, и мужчины, – не считавшие ее недостатком.

– Ты без чар? – поинтересовался Магнус.

– Сам же сказал, что хочешь попутешествовать и устроить безудержный кутеж.

Магнус загорелся.

– Да, я так и сказал! – Тут он замолчал. – Прости. Не уловил связи.

– Я заметил, что в своем естественном обличье пользуюсь большим успехом у женщин. Им нравится все необычное. При дворе Людовика XIV была одна дама, которая утверждала, что никто на свете не сравнится с ее «дорогим кочанчиком». Говорят, во Франции это выражение теперь популярно. И это целиком моя заслуга.

Рагнор говорил так же мрачно, как обычно. Когда принесли шесть кружек чичи, Магнус все их забрал себе:

– А моему другу принесите еще, пожалуйста.

– Другая дама называла меня «милейшим стручочком».

Магнус посмотрел на солнце, сияющее на улице, на кружки, стоящие перед ним, и почувствовал, что настроение улучшается.

– Что ж, поздравляю! Добро пожаловать в Лиму, милейший стручочек.

После завтрака, за которым Рагнор опустошил пять кружек чичи, а Магнус – семнадцать, Магнус показал другу Лиму, проведя его от позолоченного дворца архиепископа с витым и резным фасадом до площади, окруженной яркими зданиями с балконами. Когда-то давно испанцы казнили на этой площади преступников.

¹ Чича де молле – алкогольный напиток из плодов дерева молле (также известного как розовый перец). Известен изысканным вкусом и тем, что вызывает ужасное похмелье. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

– Я решил, что наше путешествие неплохо начать со столицы. И потом, я здесь уже бывал, – сказал Магнус. – Лет пятьдесят назад. Было здорово, если не считать землетрясения, которое едва не разрушило город.

– Твоих рук дело?

– Рагнор, – упрекнул друга Магнус, – неужели ты считаешь, что во всех на свете катастрофах виноват я?

– Ты не ответил на вопрос, – вздохнул Рагнор. – Надеюсь, на этот раз все будет не как обычно и на тебя можно положиться. Я ведь не знаю здешнего языка, – предупредил он.

– Так ты не говоришь по-испански? Не понимаешь кечуа? Не знаешь аймары?

Магнус прекрасно понимал, что он повсюду будет чужаком, и постарался овладеть всеми языками на свете, чтобы беспрепятственно путешествовать по миру. Испанский он выучил первым после родного языка, на котором говорил очень редко. Он напоминал ему о матери и отчине, о любви и отчаянии его детства. И тяготил, словно, разговаривая на нем, приходилось брать на себя особую ответственность за все сказанное и быть предельно серьезным. Другие языки – пургатский, геенский, тартарский – он выучил для того, чтобы понимать демонов, и говорил на них довольно часто. Они напоминали ему об отце, и это было еще хуже.

Магнусу не нужна была ответственность и серьезность, и неприятных воспоминаний он тоже не любил. Ему больше нравилось веселиться и веселить.

– На этих языках я не говорю, но раз понимаю тебя, стало быть, понимаю дурацкий, – сказал Рагнор.

– Напрасно ты меня обижаешь. Разумеется, ты можешь полностью на меня положиться, – ответил ему Магнус.

– Смотри не бросай меня одного. Поклянись, Бейн.

Магнус поднял брови:

– Даю честное слово.

– Если что, я везде тебя найду. И тебя, и твои нелепые наряды. Приведу в твою спальню ламу и заставлю обоссать все твои пожитки.

– Не злись. И не волнуйся. Всем нужным словам я научу тебя прямо сейчас. Вот, например, *fiesta*...

– И что же это значит? – нахмурился Рагнор.

Магнус снова поднял брови:

– «Вечеринка». И еще одно важное слово – *la juerga*.

– А это что такое?

Магнус молчал.

– Магнус, – сурово спросил Рагнор, – это слово тоже означает «вечеринка»?

Магнус не смог удержаться и ухмыльнулся.

– Я бы извинился, – сказал он, – вот только совершенно не чувствую себя виноватым.

– Постарайся вести себя разумно, – вздохнул Рагнор.

– Мы же в отпуске! – сказал Магнус.

– Ты всегда в отпуске. Вот уж тридцать лет, – заметил Рагнор.

Он был прав. Магнус так нигде и не осел с тех пор, как умерла его любимая, – не первая его женщина, но первая спутница жизни, которая жила рядом с ним и умерла у него на руках.

Магнус часто думал о ней, и боль уже притупилась. Ее лицо казалось ему теперь подобным далеким, но таким прекрасным звездам, до которых нельзя дотянуться. Они лишь светились перед его взором в ночи.

– Просто я люблю приключения. А приключения любят меня, – беззаботно произнес он, не понимая, почему Рагнор опять вздыхает.

Подозрительность Рагнора огорчала Магнуса. На озере Яринакоча Рагнор прищурился и сердито спросил:

– И что, по-твоему, эти дельфины розовые?

– Раньше были розовыми! – фыркнул Магнус и задумался. – Я почти уверен.

Они прошли от косты² до сьерры, осмотрев все достопримечательности Перу. Любимым местом Магнуса был город Арекипа, сооруженный из каменных блоков, привезенных как будто с Луны. Белея в лучах палящего солнца, они сверкали так же ослепительно и ярко, как лунный свет, падающий на водную гладь. Там они встретили прелестную девушку, и она предпочла Рагнора. За свою долгую жизнь Магнус ни разу так и не оказался стороной любовного треугольника между колдунами, Рагнор понимал это и, казалось, впервые не жалел о том, что принял предложение Магнуса приехать в Лиму.

Магнусу удалось убедить Рагнора покинуть Арекипу только после того, как познакомил его с другой прелестной девушкой по имени Джулиана, которая сказала, что проведет их через тропический лес и покажет айяхуаску³, растение, обладающее сильными магическими свойствами. Позже, продираясь через густой лес Ману, Магнус пожалел, что поддался этому искушению. Повсюду, куда ни глянь, было зелено, зелено, зелено... Пожалел он и тогда, когда взглянул на своего попутчика.

– Не нравится мне этот тропический лес, – печально сказал Рагнор.

– Ты просто закрыт для новых впечатлений, не то что я!

– Да нет. Сыро тут, как в детских пеленках, и воняет раза в два сильнее.

Магнус отвел от лица ветку, с которой падали капли:

– Вынужден признать, меткое сравнение.

В лесу действительно было не очень уютно, но все-таки удивительно красиво. Густая растительность на земле сильно отличалась от листвы деревьев; растения, похожие на яркое птичье оперение, мягко колыхались, овевая другие, чьи стебли напоминали веревки. На фоне зелени то и дело вспыхивали яркие пятна цветов и сновали животные. Особенно нравились Магнусу грациозные паукообразные обезьяны, висевшие между деревьями, как звезды, и юркие робкие саймири, беличьи обезьяны.

– Вот если бы у меня была домашняя обезьянка! Я бы научил ее всяким трюкам, одел бы в нарядный камзол! Она была бы точь-в-точь как я, только пообезьянистей! – сказал он.

– Похоже, твой друг неважно себя чувствует, – заметила Джулиана, обращаясь к Рагнору. – Неудивительно, мы ведь сейчас на много футов выше уровня моря.

Магнус не знал, зачем взял с собой Джулиану, но Рагнора ее присутствие успокаивало. Кто-нибудь другой, оказавшись на незнакомой территории, шел бы по пятам за проводником, но Магнус был колдуном и всегда был готов вступить в схватку с демоном-ягуаром. Из этого могла бы выйти занятная история, которая позволила бы ему привлечь внимание тех дам – и джентльменов, – которых еще не очаровал Рагнор.

Увлечшись сбором фруктов и размышлениями о демонах-ягуарах, Магнус огляделся и обнаружил, что отстал от попутчиков и заблудился. Он остановился, любуясь бромелиями – огромными переливающимися цветами с яркими, блестящими от влаги лепестками. В этих сверкающих, как драгоценные камни, чашах сидели лягушки.

Магнус поднял голову и увидел прямо перед собой круглые коричневые глаза обезьяны.

– Привет, дружище! – сказал он.

Обезьяна издала ужасный звук, наполовину рык, наполовину шипение.

– Кажется, дружба у нас не ладится, – сказал Магнус.

² Узкая прибрежная полоса.

³ Айяхуаска – лиана, растущая на берегах Амазонки. Индейцы называют ее «лианой духов» или «лианой мертвых».

Джулиана предупредила, что, если обезьяна подошла близко, нужно оставаться на месте и сохранять спокойствие. Эта обезьяна казалась гораздо больше других, плечи у нее были шире, а мех – почти черный. Это была обезьяна-ревун.

Магнус бросил ей фрукт, и животное его подобрало.

– Ну вот, – сказал Магнус. – Будем считать, что конфликт улажен.

Обезьяна снова двинулась в наступление.

– Я, признаться, сам не понимаю, что здесь делаю. Мне, знаешь ли, нравится городская жизнь. Яркие огни, толпы людей, развлечения. И никаких обезьян.

Он послушался совета Джулианы и быстро шагнул назад, швырнув ревуна еще один фрукт. Обезьяна выгнула спину и взревела. Магнус еще отступил и налетел на дерево. Ударившись, он замахал руками и на мгновение обрадовался, что никто его не видит и что не нужно вести себя как умудренному опытом чародею. Обезьяна набросилась на него, пытаясь вцепиться в лицо. Магнус закричал и бросился наутек. Фрукты сыпались у него из рук, а он мчался, спасаясь от разгневанного животного. Он бежал, прибавив скорости, пока фруктов в руках не осталось, и в конце концов налетел прямо на Рагнора.

– Эй, осторожнее! – огрызнулся тот.

– В свое оправдание могу заметить, что ты неплохо замаскировался, – заметил Магнус и дважды пересказал историю своих злоключений. Сначала Джулиане, по-испански, а потом Рагнору, по-английски.

– Ты что, идиот? От альфа-самца, конечно, нужно было бежать! Тебе еще повезло, что он отвлекся на фрукты, иначе разорвал бы тебя на куски. Он же подумал, что ты пытаешься отбить его самок! – сказала Джулиана.

– У меня не было времени с ним объясняться. Откуда мне было знать?! Более того, уверяю вас, я вовсе не заигрывал с обезьянами. – Тут Магнус подмигнул. – Я ни одной не видел, и у меня просто не было шанса.

Рагнор явно сожалел, что оказался в такой компании. Потом, когда Джулиана не видела, он нагнулся к Магнусу и прошипел:

– Ты что, забыл, что умеешь колдовать?

Магнус презрительно посмотрел через плечо.

– Не стану я обезьяну околдовывать! Рагнор, за кого ты меня принимаешь?

Жизнь нельзя было целиком посвятить праздному времяпровождению и обезьянам. Магнусу нужно было каким-то образом зарабатывать на выпивку. Но везде находилась сеть обитателей Нижнего мира, и, едва прибыв в Перу, он тут же наладил связи. Иногда Магнус брал с собой Рагнора. Они вместе взошли на корабль в порту Салаверри в лучших своих нарядах. Магнус надел самую большую шляпу со страусиными перьями.

Эдмунд Гарсия, один из богатейших купцов Перу, встретил их на палубе. Он был румян, носил дорогой плащ, штаны до колен и напудренный парик. На поясе на кожаном ремне у него висел гравированный пистолет. Глядя на Рагнора, он прищурился и сердито спросил:

– Это чудище морское?

– Это весьма уважаемый колдун. Вы получите двух колдунов по цене одного.

Гарсия нажил состояние, потому что никогда не отказывался от выгодных предложений. Он тут же забыл о морских чудищах и больше о них не вспоминал.

– Добро пожаловать! – сказал он.

– Не люблю я корабли, – заметил Рагнор, озираясь. – У меня сразу начинается морская болезнь.

Шутка про зеленое лицо напрашивалась сама собой. Но Магнус удержался.

– Не расскажете поподробнее, в чем заключается наша работа? – спросил он. – В письме, которое я получил, было сказано, что вам нужен мой талант. Но талантов у меня так много, что, признаюсь, даже не понял, о каком из них речь. Но все они к вашим услугам.

– Вы на нашей земле чужаки и, возможно, не знаете, что Перу сейчас процветает благодаря нашему главному экспортному продукту – гуано.

– О чем это он? – спросил Рагнор.

– Тебе не понравится, – сказал Магнус.

Корабль качнуло на волнах.

– Простите. Вы говорили о птичьем помете... – обратился Магнус к капитану.

– Да, о нем, – сказал Гарсия. – На торговле гуано долго наживались европейские купцы. Но теперь приняты новые законы, и такие сделки станут выгодными для перуанцев, а европейцам придется взять нас в долю или свернуть дела. Мой корабль с большой партией гуано отплывет одним из первых после принятия этих законов. Я боюсь, что его попытаются ограбить.

– Вы боитесь, что пираты украдут птичий помет? – спросил Магнус.

– Магнус! Да о чем, в конце концов, он говорит? – простонал Рагнор.

– Тебе знать не обязательно, поверь. – Магнус посмотрел на Гарсию. – Таланты мои, разумеется, многочисленны, но я не уверен, что в их число входит охрана... э-э-э... гуано.

Груз ему и в самом деле не нравился, но он достаточно знал о европейцах, чтобы понимать: они готовы наложить лапу на все, что попадает им на глаза, будь то земля или жизнь, товар или люди. Кроме того, приключений в открытом море в его жизни еще не случилось.

– Мы готовы щедро заплатить, – сказал Гарсия и назвал сумму.

– Да? Что ж, тогда мы к вашим услугам, – согласился Магнус и уведомил об этом Рагнора.

– Ну, не знаю... – сказал Рагнор. – И я даже не знаю, где ты взял эту шляпу!

Магнус приосанился:

– Милая безделица, прихватил где-то... Мне показалось, она подходит к случаю.

– Здесь больше ни у кого такой нет.

Магнус окинул пренебрежительным взглядом моряков, ничего не смыслящих в моде:

– Мне их, конечно, жаль, но не думаю, что твое наблюдение может как-то повлиять на мои дальнейшие действия. Действовать я буду... стильно.

Он посмотрел на море. Вода была удивительно ясной, изумрудно-салатовой и переливалась, как ограненный турмалин. На горизонте виднелись два корабля. К одному из них, с грузом, они должны были подойти. А второй, подозревал Магнус, был пиратской шхуной, готовившейся к атаке.

Он щелкнул пальцами, и их корабль рванул к горизонту.

– Магнус, не ускоряй корабль. Зачем ты это делаешь? – упрекнул друга Рагнор.

Магнус снова щелкнул пальцами, и голубые искры побежали по истертому, износившемуся от штормов борту.

– Я вижу жутких пиратов. Готовься к битве, мой зеленый друг.

Рагнор громко протестовал, его тошнило, но они уже приближались к кораблям.

– Мы не охотимся на пиратов. Здесь вообще нет никаких пиратов! Мы просто охраняем груз, вот и все.

– И что же это за груз? – снова спросил Рагнор.

– Лучше тебе не знать, мой сладкий стручочек, – успокоил его Магнус.

– Пожалуйста, перестань меня так называть.

– Никогда не перестану, никогда, – поклялся Магнус и сделал быстрый жест, от которого кольца на его руке засияли в лучах солнца, окрашивая воздух яркими вспышками.

Корабль, который по-прежнему казался Магнусу пиратской шхуной, заметно накрепился. Возможно, он немного переусердствовал с магией.

Гарсия был очень удивлен тем, что Магнус может атаковать корабли на расстоянии, но все же хотел убедиться, что груз в полной безопасности, поэтому они подплыли к большому кораблю. Пиратская шхуна теперь осталась далеко позади. Магнуса все это вполне устраивало. Они охотились на пиратов на морских просторах, а он всегда хотел кое-что попробовать.

– Давай со мной! Будет здорово, вот увидишь.

Он ухватился за веревку, лихо перелетел через сверкающую голубую гладь и начищенную до блеска палубу и спрыгнул... точно в трюм. Рагнор последовал за ним.

– Зажми нос и не дыши, – посоветовал ему Магнус. – Кто-то проверял груз и оставил трюм открытым. Мы с тобой туда только что спрыгнули.

– Да уж, спасибо тебе большое. Теперь мы по уши влипли.

– Еще бы.

Они помолчали, оценивая весь ужас ситуации. Магнус увяз по самые локти. И, что гораздо хуже, потерял свою роскошную шляпу. Он старался не вспоминать о том, в чем именно они увязли. Запретив себе думать о птичках, он почти убедил себя, что увяз в чем-то другом. В чем угодно.

– Магнус, – сказал Рагнор, – я вижу, что груз, который мы охраняем, какое-то весьма неприятное вещество. Но, может быть, ты мне все-таки скажешь, что именно это такое.

Увиливать дальше было бесполезно. И Магнус ответил.

– Ненавижу Перу. Хочу домой, – глухо откликнулся Рагнор.

Магнус был не виноват в том, что после этого его друг устроил истерику и умудрился потопить корабль вместе с ценным грузом, но его, Магнуса, все же обвинили в этом. Хуже того, ему даже не заплатили. Но в Перу запретили появляться совсем по другой причине.

1885 год

В следующий раз Магнус побывал в Перу, выполняя задание с друзьями, Рагнором Феллом и Катариной Лосс. Именно тогда он убедился, что Катарина обладает не только сверхъестественными магическими способностями, но и таким же сверхъестественным даром убеждения, ведь Рагнор клялся, что ноги его больше не будет в Перу, и уж точно не в компании Магнуса. После совместных приключений в Англии в 1870-х годах он уже меньше злился на своего друга, но теперь, когда они шли по берегам Лурина с клиентом, все же украдкой бросал на Бейна подозрительные взгляды.

– Ты все время на меня злишься, и совершенно напрасно. Обидно же, Фелл, – сказал Магнус.

– Я много лет ждал, пока запах выветрится! Много лет! – ответил Рагнор.

– Ну, выбросил бы старую одежду и купил новую. Новая и пахнет приятней, и выглядит лучше. И вообще, это было много десятков лет назад. Чем я тебе насолил в последнее время?

– Не ссорьтесь при клиенте, мальчики, – мягко сказала Катарина, – или я столкну вас так, что ваши головы треснут, как яйца.

– Я, знаете ли, говорю по-английски, – сказала Найарак, клиентка, которая щедро платила им.

Все почувствовали себя неловко. До Пачакамака они добрались молча. Нагромождения каменных обломков напоминали замки, которые построил ребенок. Руин здесь было гораздо больше, чем пирамид, но тому, что уцелело, было уже несколько тысяч лет, и Магнус чувствовал, что даже в обломках пульсирует магия.

– Я знал оракула, который жил здесь семьсот лет назад, – торжественно произнес Магнус. Найарак эти слова впечатлили. А Катарину, которая знала, сколько лет Магнусу на самом деле, нет.

Оказывать колдовские услуги за деньги Магнус начал, когда ему не было и двадцати. Тогда он еще не застыл во времени, как стрекоза, угодившая в смолу, – сверкающая, но навечно заключенная в золотую тюрьму. Когда он еще рос и его лицо и тело каждый день неуловимо менялись, он чуть больше походил на человека.

Клиентам, ожидающим, что они будут иметь дело с древним, опытным колдуном, нельзя говорить, что ты еще мальчик. Магнус рано начал врать о своем возрасте и так и не избавился от этой привычки. Иногда, забывая, кому что соврал, он попадал в неловкое положение. Однажды его спросили, каким был Юлий Цезарь. Магнус долго смотрел на того, кто задал вопрос, а потом выдавил: «Невысоким?» Магнус окинул взглядом песок у стены и ее растрескавшиеся, осыпающиеся края. Он пытался создать впечатление человека, который здесь уже бывал, а когда бывал, носил самые эффектные наряды. «Пачакамак» означает «властелин землетрясений». По счастью, Найарак они были нужны не в этом качестве. Магнус никогда не устраивал землетрясений намеренно и предпочел бы не вспоминать о несчастных случаях своей юности. Найарак всего-навсего хотела завладеть сокровищем, которое мать ее прабабушки, прекрасная благородная девушка, жившая в Аклахауси – Доме женщин, избранных солнцем, – припрятала, когда пришли завоеватели.

Магнус не знал, зачем оно ей понадобилось – денег у нее, похоже, хватало, – но платили ему не за то, чтобы он задавал вопросы. Все вместе они часами бродили в тени и под палящими лучами солнца у разрушенных стен, на которых время оставило отметины и почти стерло фрески, до тех пор, пока не нашли то, что искали.

Когда они извлекли из стены камни и добыли сокровище, солнце осветило золото – и лицо Найарак. Магнус понял, что девушка искала вовсе не сокровища, а правду, подлинные следы своего прошлого. Она знала о Нижнем мире, потому что ее однажды похитили феи. Но это золото было не иллюзией, не чарами – оно сияло в ее руках так же, как прежде в руках ее предков.

– Спасибо вам большое, – сказала она, и Магнус поймал себя на том, что завидует ей.

Когда девушка ушла, Катарина сняла с себя чары. Теперь были видны ее голубая кожа и белые волосы, сверкавшие в лучах заходящего солнца.

– С этим покончено. У меня есть предложение. Я давно завидую тому, как вы весело проводили время в Перу. Может, задержимся здесь ненадолго?

– Конечно! – сказал Магнус.

Катарина захлопала в ладоши.

– Ни за что, – нахмурился Рагнор.

– Не волнуйся, Рагнор, – беззаботно сказал Магнус. – Я уверен, никого из тех, кто помнит тот конфуз с пиратами, уже нет в живых. И обезьяны за мной точно больше не гонятся. Кроме того, ты знаешь, что все это значит.

– Не нравится мне эта идея. Будь моя воля, я бы сию минуту вас покинул, но было бы жестоко оставлять даму в чужой стране наедине с безумцем.

– Как здорово, что мы договорились! – сказала Катарина.

– Назовемся Триумвиратом Ужаса! – довольно сказал Магнус. – Приключение будет в три раза веселее!

Позже они узнали, что их разыскивают за осквернение храма, но в Перу Магнусу запретили появляться не тогда, и вовсе не по этой причине.

1890 год

В Пуно стоял погожий денек, озеро за окном сверкало голубым, а солнце палило с такой неумолимой силой, что, казалось, выжгло с небес всю лазурь и оставило лишь раскаленную

белизну. Чистый горный воздух, озеро и дом оглашала мелодия Магнуса. Внезапно жалюзи на окнах спальни Рагнора со звоном поднялись.

– Что... Что ты делаешь? – сердито спросил колдун.

– Мне почти шестьсот лет, – заявил Магнус, и Рагнор хмыкнул. Каждые несколько недель Магнус менял свой возраст, как ему заблагорассудится. – Я подумал, что пора бы научиться играть на музыкальном инструменте. – Он продемонстрировал свое новое приобретение, маленький струнный инструмент, похожий на двоюродного брата лютни. Лютня, похоже, постыдилась бы такого родства. – Эта штука называется *чаранго*. Я собираюсь стать чарангистом!

– Я бы вообще не назвал эту штуковину музыкальным инструментом. Скорей уж орудием пыток, – кисло заметил Рагнор.

Магнус приобнял чаранго так, словно это был обидчивый, капризный ребенок.

– Это уникальный инструмент. Резонатор сделан из броненосца! То есть из его панциря.

– Тогда ясно, почему у него такой звук. Вой голодного, заблудшего броненосца.

– Да ты просто завидуешь, – спокойно заметил Магнус. – Ты не артист в душе, не то что я.

– О, да я просто зеленею от ярости, – огрызнулся Рагнор.

– Рагнор, ты же знаешь, я обожаю, когда ты шутишь о цвете своего лица.

Магнуса грубость Рагнора ничуть не задела. Он снисходительно посмотрел на него, поднял чаранго и продолжил играть свою красивую дерзкую мелодию.

Вдруг оба услышали топот женских ног и шелест юбок – во двор выбежала Катарина. Волосы ее развевались, а лицо было встревоженным.

– Магнус, Рагнор! Я слышала, как кричит кошка! Бедное животное, должно быть, ужасно страдает. Помогите мне его найти!

Рагнор повалился на подоконник и зашелся истерическим смехом. Магнус смотрел на Катарину до тех пор, пока не увидел, как ее губы дрогнули.

– Да вы просто сговорились! – заявил он и снова начал играть, но Катарина остановила его:

– Seriously, Магнус. Это невыносимо.

Тот вздохнул:

– Критиковать каждый может.

– С чего это ты вздумал играть?

– Я уже объяснял Рагнору. Хочу овладеть музыкальным инструментом. Решил посвятить себя ремеслу, хочу стать чарангистом и не желаю больше слышать возражений.

– Если уж перечислять то, чего мы больше не желаем слышать... – пробормотал Рагнор.

Катарина улыбнулась.

– Ясно, – сказала она.

– Ничего вам не ясно, мадам.

– Я все поняла, – уверила его Катарина. – Как ее зовут?

– Я протестую. Женщины тут совершенно ни при чем. Я предан музыке!

– Хорошо. Как его зовут?

Его звали Имасу Моралес, и он был прекрасен.

Колдуны остановились у гавани на озере Титикака, и Магнус старался вести активный образ жизни, который Катарина и Рагнор, с детства привыкшие к одиночеству из-за необычного цвета кожи, не разделяли. Магнус гулял по городу и поднимался в горы, ввязываясь в мелкие приключения. Несколько раз его приводила домой полиция, о чем ему постоянно напоминали Рагнор и Катарина, хотя инцидент с боливийскими контрабандистами был чистейшим недоразумением.

В ту ночь Магнус не вмешивался в дела контрабандистов. Он просто гулял по Плаза Республикана, обходя красивые ухоженные кусты и прекрасные скульптуры. Ряды городских окон

сияли подобно звездам. Ночь была восхитительной, самое время для встречи с прекрасным юношей.

Сперва внимание Магнуса привлекла музыка, а потом он услышал смех. Он обернулся и увидел сверкающие черные глаза и бегающие по струнам тонкие пальцы. У Магнуса был свой список черт, которые ему хотелось бы видеть в партнере: черные волосы, голубые глаза, честность, – но на этот раз его привлекла индивидуальность. Что-то такое, чего он раньше никогда не видел и хотел бы видеть чаще.

Он подошел поближе и смог привлечь внимание Имасу. Теперь они оба поймали друг друга на крючок, и можно было начинать игру. Он спросил музыканта, не преподает ли он. Он хотел больше времени проводить с новым знакомым. Но научиться играть он тоже хотел – чтобы узнать, сможет ли он так же увлечься.

Уже после нескольких уроков Магнус понимал, что звуки, которые он извлекал из чаранго, отличаются от тех, что извлекал Имасу. Довольно сильно отличаются. Катарина и Рагнор умоляли его бросить инструмент. Незнакомые люди на улице просили его о том же. Даже кошки убежали от него. Но...

– У тебя большой потенциал, – сказал Имасу серьезно, и глаза его рассмеялись.

Магнус старался слушать добрых, вдохновляющих и необыкновенно красивых людей. Поэтому он продолжил заниматься чаранго, хотя дома ему играть запретили. В общественных местах ему тоже были не рады – один ребенок заплакал, газетчик отчитал его за нарушение общественного порядка, а группа слушателей даже устроила небольшой протест.

Последнее, что ему оставалось, – уйти в горы и играть там, что он и сделал. Он был уверен, что бросившееся в бегство стадо лам – простое совпадение. Ламы не могли его осудить. И кроме того, теперь чаранго явно звучало лучше. Либо он уже немного с ним освоился, либо стал жертвой слуховых галлюцинаций. Магнус предпочитал верить в первое.

– Мне кажется, я действительно нашел свою дорогу. В горах. В метафорическом, музыкальном смысле. Настоящих дорог там могло бы быть и побольше, – признался он однажды Имасу.

– Превосходно, – с горящими глазами произнес Имасу. – Мне не терпится тебя послушать.

Беседовали они в доме Имасу – нигде больше в Пуно Магнусу играть не позволялось. Мать и сестра Имасу, к сожалению, страдали от мигреней, поэтому многие занятия с Магнусом ограничивались теорией музыки. Но сегодня Магнус и Имасу остались дома одни.

– Когда вернутся твои матушка и сестра? – беспечно спросил Магнус.

– Через несколько недель. Они отправились навесить тетушку. Э-э-э... не думай, что они сбежали... то есть покинули дом из-за какого-то неудобства.

– Такие прекрасные дамы. Жаль, что они так болеют, – заметил Магнус.

Имасу моргнул.

– Я о головных болях, – напомнил ему Магнус.

– Ах, ну да, – сказал Имасу. Он замолчал, а потом хлопнул в ладоши: – Ты собирался мне что-то сыграть.

Магнус просиял.

– Готовься. Сейчас ты будешь изумлен, – торжественно произнес он.

Он поднял инструмент, чувствуя, что теперь они с чаранго научились понимать друг друга. Ему стоило только захотеть, и музыка заструилась бы из самого воздуха, от речных вод и даже от занавесок, но с чаранго все было по-другому. Человечно и удивительно трогательно. Скрежет и колебания струн сливались, рождая мелодию, подумал Магнус. Он держал музыку в своих руках.

Магнус посмотрел на Имасу и увидел, что тот опустил голову на руки.

– Эй, – взволнованно воскликнул Магнус, – тебе плохо?

– Я просто поражен, – слабым голосом сказал Имасу.

Магнус почувствовал легкую гордость:

– А! Ну хорошо.

– Поражен тем, как плохо это звучало.

Магнус моргнул:

– Прости?

– Я больше не могу врать! – выпалил Имасу. – Уважаемые лица города просили меня, чтобы я уговорил тебя прекратить. Моя собственная матушка, святой человек, умоляла меня со слезами на глазах...

– Ну не настолько же я плох...

– Настолько! – Плотину недовольства музыкой словно бы прорвало. Имасу повернулся к Магнусу, и его глаза уже не сияли, а лишь только сверкнули. – Хуже, чем ты можешь себе представить. При звуках твоего чаранго цветы моей матушки теряют всякую волю к жизни и вянут на глазах. Семена киноа теряют вкус. Ламы нервничают из-за твоей музыки. Дети уверены, что у озера живет отвратительное чудовище, наполовину лошадь, наполовину жалкий цыпленок-переросток, которое криками молит о том, чтобы ему наконец была дарована смерть. Горожане поговаривают, что ты совершаешь магические ритуалы...

– Что ж, они угадали... – заметил Магнус.

– ...с помощью слоновьего черепа, огромного гриба и одной из своих странных шляп.

– ...или нет, – продолжил Магнус. – Шляпы у меня, кстати, восхитительные.

– С этим я спорить не стану. – Имасу провел рукой по густым темным волосам, которые вились вокруг его пальцев и льнули к ним, как чернильно-черные лианы. – Послушай, я понимаю, что ошибся. Я увидел красивого юношу, подумал, что было бы неплохо поговорить о музыке и найти общие интересы, но я не заслужил этого. Тебя побьют камнями на площади, а я, если мне придется еще хоть раз слушать, как ты играешь, утоплюсь в озере.

– Не надо, – сказал Магнус с ухмылкой, – я слышал, там живет ужасное чудовище.

Имасу по-прежнему кипятился из-за игры Магнуса, но сам колдун быстро потерял к этой теме интерес.

– Когда настанет конец света, раздастся звук, как две капли воды похожий на тот, что издаешь ты!

– Любопытно! – сказал Магнус и выкинул чаранго из окна.

– Магнус!

– Думаю, дальше нам с музыкой не по пути. Настоящий артист знает, когда нужно уйти на покой.

– Не могу поверить, что ты это сделал.

Магнус беспечно махнул рукой:

– Знаю, это разбивает твое сердце, но иногда нужно оставаться глухим к мольбам музы.

– Я о чем – инструмент дорогой, а я слышал, как что-то треснуло.

Имасу был по-настоящему обеспокоен, но все же улыбался. Лицо его напоминало открытую книгу, сияющую яркими цветами, увлекательную и легко читающуюся. Магнус отошел от окна, приблизился к Имасу, обвил пальцами одной руки его мозолистые пальцы, а другой легко обхватив его запястье. Он увидел, как по всему телу Имасу прошла волна дрожи, словно бы он был инструментом, из которого Магнус мог извлечь любой звук, какой бы ни пожелал.

– Я опустошен тем, что мне придется бросить музыку, – прошептал Магнус, – но думаю, ты еще узнаешь, что я обладаю множеством талантов.

Когда тем вечером Магнус вернулся домой и сообщил Рагнору и Катарине, что бросил музыку, Рагнор сказал:

– Лет пятьсот у меня не было желания прикоснуться к другому мужчине, но теперь мною овладело желание поцеловать этого юношу.

– Отойди! – сказал Магнус.

Наутро жители Пуно собрались вместе на фестивале. Время проведения фестиваля – простое совпадение, сказал Имасу Магнусу. Колдун рассмеялся. Солнце осветило лицо Имасу, оставив золотые полосы на его загорелой коже, он прижал свои губы к губам Магнуса. Из дома они вышли поздно, и парад посмотреть уже не смогли.

Магнус спросил друзей, не против ли они того, чтобы ненадолго задержаться в Пуно, и был не удивлен, когда они согласились. Катарина и Рагнор были колдунами. Для них, как и для Магнуса, время было подобно сверкающему дождю, меняющему мир. Колдуны не слишком ценили время до тех пор, пока им не случалось полюбить смертного. Тогда время становилось золотом в руках скряги, бесценным, утекающим сквозь пальцы; каждый год – наперечет.

Имасу рассказал Магнусу о смерти отца и увлечении сестры танцами, которое вдохновило его на то, чтобы сопровождать ей, и о том, что он – вторая любовь в его жизни. В Имасу текла кровь как испанцев, так и индейцев, и смешивалась она даже сильнее, чем у большинства метисов. Для кого-то он был слишком похож на испанца, для других – наоборот. Магнус рассказал Имасу о том, что в нем самом течет как голландская, так и батавская кровь. О крови демонов, своем отце и волшебстве он пока упоминать не стал. Магнус научился быть осторожным, доверяя людям свои воспоминания. Когда люди умирали, казалось, что вместе с ними умирали и все частички его самого, которые он им доверил. На то, чтобы раны затянулись, требовалось много времени, и он уже не был прежним. Жизнь преподала ему долгий, болезненный урок. Но Магнус, судя по всему, еще не очень хорошо его усвоил – ему хотелось о многом рассказать Имасу: не только о своем происхождении, но и о прошлом, о дорогих ему людях – о Камилле, об Эдмунде Эрондейле и его сыне Уилле; даже о Тессе и о том, как познакомился с ней в Испании. В итоге он не выдержал и рассказал ему последнюю из этих историй, умолчав, впрочем, о Безмолвных братьях и о том, что Катарину чуть не сожгли на костре как ведьму. Но времена года сменяли друг друга, и Магнусу стало казаться, что, может быть, стоит рассказать о волшебстве, а потом предложить Имасу покинуть матушку и сестру. Они свили бы гнездышко, которое Имасу наполнил бы музыкой, а он, Магнус, – волшебством. Магнус решил, что настало время осесть – по крайней мере, на время.

Он был поражен, когда Имасу тихо предложил:

– Может быть, вам с друзьями пора задуматься о том, чтобы покинуть Пуно?

– Как, без тебя? – глупо спросил колдун.

Он загорал в окрестностях дома Имасу, строя планы на ближайшее будущее, и эта фраза застала его врасплох.

– Да, – сказал Имасу, и по виду его стало ясно, что он жалеет о том, что приходится объясняться, – абсолютно точно без меня. Дело не в том, что с тобой не было здорово. Мы славно повеселились, не так ли? – умоляюще добавил он.

Магнус кивнул, стараясь изо всех сил казаться беспечным, но тут же все испортил, сказав:

– Я так и думал. Так зачем же все рушить?

Возможно, матери, сестре или еще кому-то из семьи Имасу не нравилось то, что у двух мужчин завязался роман. Такое случалось не впервые, хотя у Магнуса создалось впечатление, что матушка Имасу была готова позволить ему делать с сыном что угодно, лишь бы только не слышать звуков чаранго.

– Дело в тебе! – выпалил Имасу. – Я больше не хочу и не могу быть с тобой!

– Пожалуйста, – сказал Магнус, выдержав паузу, – продолжай осыпать меня комплиментами. Это чертовски приятно, я так надеялся услышать эти слова!

– Просто ты... ты такой... эфемерный, как сверкающий ручей, бегущий мимо. Ты непостоянен, ты... – он взмахнул рукой, словно что-то отпуская, словно Магнусу хотелось, чтобы его отпустили, – не навсегда.

Услышав эти слова, Магнус внезапно откинул голову и расхохотался, не в силах сдержаться. Этот урок он усвоил давно – даже когда тебе разбивают сердце, можно рассмеяться. Рассмешить Магнуса было легко, и смех помог ему, но все-таки его было недостаточно.

– Магнус! Вот именно об этом я и говорил! – сказал Имасу. Судя по всему, он был очень зол.

Магнус подумал: часто ли, когда ему казалось, что они просто спорят, Имасу на самом деле готовился к этому моменту?

– Знаешь, а ведь ты ошибаешься. Я – навсегда, – сказал Магнус, задыхаясь от смеха. Глаза его немного пощипывало от слез. – Да только это все равно ничего не меняет.

Это было правдой, самой откровенной и единственной правдой из всего, сказанного Магнусом Имасу. Колдуны жили вечно, а значит, наблюдали ужасающий круговорот рождения, жизни и смерти снова и снова. Это также означало и то, что счет неудачных романов в их жизни шел буквально на миллионы.

– Все это к лучшему, – серьезно объявил Магнус Рагнору и Катарине. Он повысил голос, чтобы тот не потонул в шуме очередного фестиваля.

– Ну конечно, – сказала верная и добрая подруга Катарина.

– Удивительно, что все это длилось так долго. С виду он гораздо красивей тебя, – проворчал Рагнор, заслуживавший сурового и жестокого наказания!

– Мне всего двести лет, – сказал Магнус, не обращая внимания на то, что друзья хмыкнули, услышав явную ложь. – Мне еще совсем не пора остепениться. Я еще могу больше времени посвятить куражу. И я думаю... – Он допил свой бокал и задумчиво огляделся вокруг. – Я думаю, мне стоит пригласить вон ту красотку на танец.

Он заметил, что девушка, на которую он положил глаз, ответила ему тем же. Ресницы у нее были такими длинными, что почти касались плеч.

Возможно, Магнус был уже слегка пьян. Чича де молле пьянила быстро, после чего наступало ужасное похмелье.

Рагнор дернулся и взвизгнул, как кот, которому наступили на хвост:

– Нет, Магнус, не надо! Довольно с нас было музыки!

– Танцует Магнус лучше, чем играет на чаранго, – задумчиво заметила Катарина. – В самом деле, танцует он совсем неплохо, разве что немного своеобразно.

– Это меня несколько не утешает. Никудышные из вас обоих утешители, – сказал Магнус.

Когда Магнус, тяжело дыша, вернулся за столик, он заметил, что Рагнор развлекается тем, что бьется головой об стол.

– Это что ты такое вытворял сейчас? – спросил Рагнор в перерыве между ударами.

– Это красивый народный танец *эль алькатрас*. По-моему, Магнус танцевал... – вмешалась Катарина.

– Великолепно? Лихо? Ловко? Привлекательно? – предположил Магнус.

Катарина наморщила губы, выбирая самое подходящее слово:

– Восхитительно.

– Вот за это я тебя и люблю. – Магнус показал на нее пальцем.

– По традиции, мужчина вращает...

– Вращал чем надо ты замечательно, – нудно заметил Рагнор.

Магнус сделал легкий поклон:

– Ну спасибо!

– И пытался поджечь юбку партнерши свечой. Это чудесный, яркий, энергичный танец, – продолжила Катарина.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что по традиции колдуну не обязательно поджигать юбки партнерши и собственный камзол, превращая обоих танцующих в два кружащихся огненных столпа?

Катарина кашлянула:

– Строго говоря, нет, не обязательно.

– Все под контролем. Доверьтесь моим волшебным пальцам.

Магнус снова пошел танцевать. Его партнерша решила, что это какой-то чудесный фокус. Когда ее объяло настоящее пламя, она запрокинула голову назад и захохотала. Темные волосы девушки превратились в трескучий водопад, каблучки выбивали искры, и те сверкающими пылинками разлетались по полу, а юбка напоминала огненный хвост феникса. Магнус крутился и вертелся вместе с ней, и на одно волшебное мгновение девушке показалось, что он прекрасен. Но огонь, как и пожар любви, скоро угас.

– Вам не кажется, что мы, колдуны, со временем отдаляемся от людей, превращаемся в существ, которых они не могут любить? – спросил Магнус.

Рагнор и Катарина молча смотрели на него.

– Не отвечайте! – сказал им Магнус. – Это вопрос, который не требует ответа. Вопрос человека, которому требуется пропустить еще стаканчик. Вот так!

Он поднял бокал. Рагнор и Катарина не присоединились к нему, но он вполне довольствовался возможностью произнести тост в одиночку.

– За приключения, – сказал он и выпил.

Открыв глаза, Магнус увидел яркий свет. Горячий поток воздуха полоснул его кожу ножом. Мозг пульсировал, и его вырвало. Катарина протянула ему чашу. На месте подруги он видел лишь расплывчатое бело-синее пятно.

– Где я? – прохрипел Магнус.

– В Наске.

Выходит, все еще в Перу. Значит, он вел себя более разумно, чем боялся.

– О, мы отправились в небольшое путешествие?

– Ты вломился в дом незнакомца, украл ковер и зачаровал этот старый половик, чтобы он мог летать, а потом унесся в ночь. Мы побежали за тобой.

– Вот как, – сказал Магнус.

– Ты что-то кричал.

– Что?

– Не хочу говорить, – усталым голосом сказала пятно, которое было Катариной. – И еще не хочу вспоминать время, которое мы провели в пустыне. Она громадная, Магнус.

– Благодарю за ценные сведения, – прохрипел Магнус, зарываясь в подушку, словно страус, зарывающий голову в пустынный песок. – Очень мило с вашей стороны, что побежали за мной. Уверен, я был очень рад вас видеть, – слабо произнес он, надеясь, что Катарина принесет ему стакан воды и молоток, которым он мог бы размозжить себе череп.

Магнус был слишком слаб, чтобы самостоятельно налить воды. Лечебная магия никогда не была его профилем, и сейчас он был уверен, что стоит ему пошевелиться – и голова слетит с плеч. Этого он позволить не мог. У него были веские основания считать, что голова прекрасно смотрелась на своем месте.

– В пустыне ты попросил нас оставить тебя, уверяя, что решил начать новую жизнь в роли кактуса. Потом наколдовал колючек и запустил ими в нас, – бесстрастно произнесла Катарина.

Магнус снова бросил на нее взгляд. Она все еще плыла перед его глазами. Он думал, что все это очень неуважительно с ее стороны. Он-то считал ее подругой.

– Что ж, – сказал он с достоинством, – с учетом того, что я был пьян, вас, наверное, очень впечатлила моя меткость.

– Впечатлила – не то слово, Магнус.

– Спасибо, что остановила меня. Это к лучшему. Ты настоящая подруга. Я не в обиде. Не будем больше об этом. Принеси-ка мне...

– Нет же, мы не смогли тебя остановить. Мы пытались, но ты засмеялся, вскочил на ковер и снова улетел, заявив, что хочешь в Мокекуа.

Магнус чувствовал себя прескверно. У него болел живот и кружилась голова.

– И что же я натворил в Мокекуа?

– Туда ты не добрался. Но кружил в небе и пытался начертить в нем какие-то сообщения для нас.

Магнус вдруг вспомнил звезды, ветер в волосах и то, что он пытался написать. По счастью, Рагнор и Катарина не говорили на языке, который он для этого избрал.

– Потом мы остановились, чтобы поесть. Ты настаивал, чтобы мы попробовали местное блюдо под названием *куй*. Было очень вкусно, но ты еще был пьян.

– Я уверен, что к тому времени уже начал трезветь! – оспорил Магнус.

– Магнус, ты пытался флиртовать с собственной тарелкой...

– Я колдун широких взглядов.

– А Рагнор – нет. Когда он узнал, что ты кормишь нас мясом морских свинок, он огрел тебя по голове твоей же тарелкой. Она разбилась.

– Прощай, моя любовь! У нас все равно ничего бы не вышло, – сказал Магнус. – Я уверен, что еда на меня благотворно подействовала. Очень мило с твоей стороны, что накормила меня и уложила в постель.

Катарина покачала головой. Она, казалось, получала удовольствие от этой беседы, как ужасная нянька, решившая рассказать ребенку страшную сказку на ночь.

– Ты упал на пол. И мы, честно сказать, подумали, что будет лучше, если ты уснешь там. Но только мы отвели от тебя взгляд, как ты уполз. Рагнор говорит, что видел, как ты полз к коврику, как огромный обезумевший краб.

Магнус отказывался в это верить. Рагнору вообще нельзя было доверять.

– Я ему верю, – предательски произнесла Катарина. – Еще до того, как он ударил тебя тарелкой, ходить тебе удавалось с трудом. И не думаю, что еда на тебя благотворно подействовала: ты сел на ковер и принялся кружить и кричать, что видишь огромных обезьян, птиц, лам и котят, нарисованных на земле.

– Боже мой! У меня начались галлюцинации? Кажется, так я почти никогда не напивался. Не спрашивайте, почему почти никогда. Тогда произошел печальный случай с птичьей клеткой.

– Нет, не галлюцинации, – сказала Катарина. – Когда мы поднялись на холм и принялись кричать тебе «Спускайся, идиот!», то тоже увидели на земле прекрасные огромные рисунки. Кажется, они – часть древнего ритуала призыва воды. Уже для того, чтобы увидеть их, стоило сюда приехать.

Голова Магнуса была по-прежнему спрятана в подушке, но в голосе послышалась гордость.

– Рад, что сделал твою жизнь ярче, Катарина.

– Зато было не очень красиво, когда тебя стошнило прямо на следы давно исчезнувшей цивилизации. С большой высоты. Много раз.

Магнусу на мгновение стало стыдно. Потом его опять стало тошнить.

Позже, протрезвев, Магнус отправился к геоглифам Наски, чтобы запомнить огромные рисунки, в которые складывались траншеи, выбитые в камне: птицу с распростертыми в полете крыльями, обезьяну, изгибы хвоста которой Магнус счел непристойными – и всецело одоб-

ржал, – и фигуру, напоминающую человека. Когда в тридцатых – сороковых годах ученые обнаружили и начали изучать эти геоглифы, Магнуса это слегка раздражало, словно рисунки были его собственностью. Но потом он смирился: люди поступали так всегда – оставляли грядущим поколениям сообщения, высеченные в камне или написанные на страницах. Они словно бы протягивали руку сквозь толщу времен, надеясь, что ее подхватит другая, призрачная рука. Люди не жили вечно. Они лишь могли надеяться, что сохранится то, что они создали.

Магнус решил, что может позволить людям передать свое сообщение потомкам. Однако смирился он далеко не сразу.

В тот день, когда он впервые увидел геоглифы, в его жизни произошли и другие знаменательные события. Его стошнило тридцать семь раз.

На тридцатый раз Катарина разволновалась:

– По-моему, у тебя жар.

– Я же тебе уже сто раз говорил, что мне очень, очень плохо. Я, наверное, умираю, но вам-то до этого какое дело? – холодно произнес Магнус.

– Зря ты ел морских свинок, – сказал Рагнор и усмехнулся. Он, казалось, до сих пор держал на Магнуса зуб.

– Я слишком слаб, чтобы о себе заботиться. – Магнус повернулся к той, кто ухаживала за ним и не злорадствовала по поводу его мучений. Он изо всех сил старался выглядеть жалко и подозревал, что сейчас ему это удастся превосходно. – Катарина, не поможешь...

– Вот уж не собираюсь я тратить силы и чары, которыми можно спасти людям жизнь, на исцеление того, кто перепил и злоупотребил полетами на большой высоте!

Катарина взглянула на него так сурово, что сразу стало ясно: все кончено. С большим успехом можно было сдать на милость ласковому зеленому другу Рагнору. Магнус уже собрался было сделать это, когда Катарина задумчиво произнесла:

– Думаю, нам стоит попробовать что-нибудь из самых обычных местных лекарств.

Обычным лекарством в этой части Перу, судя по всему, считалась морская свинка, которой приглашенная женщина-врачеватель принялась тереть тело больного.

– Прекратите, – запротестовал Магнус. – Я колдун и могу исцелить себя сам. А еще могу снести ваши головы с плеч!

– О нет. Он бредит, он сошел с ума, не слушайте его. Продолжайте лечение свинкой! – сказал Рагнор.

Женщина безразлично продолжила заниматься своим делом.

– Расслабься, Магнус! Пусть волшебство морской свинки потечет по твоим венам, – сказала Катарина, которая, отличаясь широтой взглядов, всегда интересовалась новыми направлениями медицины. Ее, судя по всему, радовало, что теперь Магнус оказался в роли подопытного кролика.

– Да, вот именно, – встрял Рагнор, который вовсе не был мужчиной широких взглядов, и засмеялся.

Магнусу все происходящее не казалось таким уж смешным. В детстве он часто принимал *джаму*, в состав которого в лучшем случае входила желчь козла (а если повезет, то аллигатора). Но и морские свинки и *джаму* были лучше, чем кровопускание, которое когда-то сделал ему один английский врач. Врачебные процедуры его утомляли, и он бы предпочел, чтобы все просто подождали, пока ему станет лучше. Он несколько раз пытался вырваться, и поэтому его пришлось усмирить силой. Позже Рагнор и Катарина часто изображали его в тот момент, когда он попытался увести морских свинок за собой, крича: «Свобода!» и «Теперь я ваш лидер!».

Вполне возможно, он по-прежнему был слегка пьян.

В финале ужасающей процедуры одну из свинок вскрыли, чтобы определить по ее внутренностям, подействовало ли лечение. При виде этого Магнуса снова стошнило.

Несколькими днями позже, после всех злоключений с морскими свинками, Катарина и Рагнор позволили Магнусу выпить под их оскорбительно пристальным надзором одну – всего одну – кружку спиртного.

– Помнишь, что ты говорил раньше, в Ту Ночь? – сказала Катарина.

И Катарина, и Рагнор называли произошедшее именно так, и Магнус буквально слышал, как они проговаривают заглавные буквы.

– Не бойся. Я больше не хочу становиться кактусом и жить в пустыне, – беспечно ответил Магнус.

Катарина мигнула и поморщилась – ее явно одолели воспоминания.

– Нет, я не о том, хоть это и приятно слышать. Я вот о чем – помнишь, ты говорил о людях, о том, могут ли они любить нас?

Магнусу не особенно хотелось думать о том, что он жалостливо бормотал в тот день, когда ему разбили сердце. Хандрить не было смысла. Хандра – занятие для слонов и депрессивных людей. И депрессивных слонов.

Несмотря на то что Магнус, похоже, не особенно желал поддерживать беседу, Катарина продолжила:

– Я родилась с таким цветом кожи и в младенчестве еще не умела накладывать на себя чары. Скрыть свой истинный облик я никак не могла, хотя быть собой было небезопасно. Когда мать увидела меня, она поняла, кто я, и утаила меня от всего мира. Она воспитывала меня тайно и всеми силами пыталась уберечь меня от опасности.

Она была жестоко наказана, но отвечала на это лишь любовью. Когда я исцеляю людей, я делаю это ради нее. Это дань, которую я плачу ей. Когда она спасла меня, она спасла жизни бесчисленных людей из самых разных времен.

Она серьезно взглянула на Рагнора, который сидел за столом и неловко пялился на свои руки, но все же откликнулся:

– А мои родители думали, что я ребенок эльфов или кто-то вроде. Мама говорила, что кожа у меня цвета весны, – сказал он, и на его щеках выступил изумрудный румянец. – Все, само собой, было несколько сложнее, но они меня полюбили, хотя находиться в моем обществе было не очень уютно и мама всегда говорила мне, что я ворчливый, как старик. С возрастом я, конечно, изжил этот недостаток.

После этой фразы воцарилось вежливое молчание.

Магнус подумал, что с тем, что воспитываешь подкидыша фей, смириться легче, чем с тем, что женщину – или, реже, мужчину – охмурили демоны и ребенок – это напоминание о перенесенной боли. Демоны и боль всегда сопровождали рождение колдунов.

– Это то, о чем нам стоит помнить, если нам кажется, что люди нам чужды, – сказала Катарина. – Мы многому обязаны людской любви и лишь благодаря ей живем вечно. Люди качали в колыбелях странных детей, не отчаиваясь и не отворачиваясь от нас. Я знаю, от кого мне досталась по наследству моя душа.

Они сидели около своего дома в саду, окруженном высокими стенами, но Катарина всегда была осторожнее друзей. Она оглянулась и зажгла стоящую на столике свечу искрой, возникшей в ее сложенных ладонях из ниоткуда. Белоснежные волосы ее на миг превратились в шелк и жемчуга. Все неожиданно осветилось, и теперь Магнус мог видеть улыбку подруги.

– Наши отцы были демонами, – сказала Катарина, – а матери – героинями.

И это было правдой.

Большинство колдунов уже с рождения отмечены колдовским клеймом, и многие дети умирали рано, потому что родители бросали или убивали этих странных созданий. Но иногда любовь превозмогала страх. Так воспитали Катарину и Рагнора. Колдовским клеймом Магнуса были глаза, золотисто-зеленые, со зрачками-щелками. Но эта его особенность проявилась не сразу. При рождении его кожа не была синей, как у Катарины, или зеленой, как у Рагнора. С

виду он был обыкновенным человеческим ребенком с необычными янтарными глазами. Мать Магнуса поняла, что его отец – демон, не сразу, а только после того, как однажды утром подошла к колыбели и увидела, как ребенок смотрит на нее кошачьими глазами. Тогда она поняла, что тот, кто явился к ней ночью в обличье ее мужа, не был им. И еще – что она не хочет жить дальше. Она и не стала.

Магнус не знал, можно ли считать ее героиней. Он был тогда слишком мал, чтобы помнить, как она жила, или осознавать то, как ей было больно. Он не был уверен в ее мужестве, как Рагнор и Катарина уверены в мужестве своих матерей. Он не знал, любила ли его мать по-прежнему, узнав правду, или любовь из ее души вытеснила тьма намного более плотная, чем та, с которой пришлось иметь дело матерям его друзей. Ведь отец Магнуса не был обычным демоном.

– А я видел, как сатана падает с неба, – пробормотал Магнус, глядя в кружку с напитком. – Подобно молнии.

– Что? – повернулась к нему Катарина.

– Радуйся, подруга, ибо ваши имена начертаны в небесах, – сказал Магнус. – Я так тронут, что мне хочется смеяться и выпить еще, чтобы не заплакать.

После этого он снова отправился на прогулку.

Теперь он вспомнил, почему той темной ночью сказал им спяну, что хочет в Мокекуа. Магнус бывал в этом городе лишь однажды и пробыл там недолго. Название означало «тихое местечко», что было правдой, и именно поэтому Магнусу было там неудобно. Тихие мощные улочки и площадь с кованым фонтаном, около которого играли дети, были не для него.

Философия жизни Магнуса заключалась в том, чтобы всегда двигаться вперед, и в местечках вроде Мокекуа он еще отчетливее понимал, почему это необходимо. Если он не будет постоянно двигаться вперед, кто-то может разглядеть, каков он на самом деле. Не то чтобы он был так уж ужасен, но в голове все еще звучал тот голос:

– Беспреданно двигайся, а иначе иллюзия разрушится.

Магнус вспомнил, как ночью лежал на серебристом пустынном песке и думал о тихих местечках, где чувствовал себя не в своей тарелке, и о том, что верил – так же, как в течение времени, – в то, что жизнь прекрасна, а судьба жестока и беспощадна, и в то, что в целом мире для него не найдется тихого местечка. Не следовало искушать Бога. Искушать ангелов тоже неумно, даже падших.

Он прогнал воспоминание. Даже если все это было правдой, его всегда ждали новые приключения.

Вы, наверное, думаете, что пьяный дебош, устроенный Магнусом в Ту Ночь, и есть та причина, по которой ему запретили появляться в Перу. Но после этого, как ни удивительно, ему позволили приехать туда еще раз. Много лет спустя он вернулся, и его действительно ждали новые приключения.

1962 год

Магнус прогуливался по улицам Куско, мимо монастыря Ла Мерсед и вниз по калле Мантас, когда услышал мужской голос. Первое, что он отметил, – его гнусавость, второе – то, что говорят по-английски.

– Я не согласен, Китти. Я настаиваю на том, что нам надо было сесть на автобус в Мачу-Пикчу.

– Но, Джеффри, из Нью-Йорка в Мачу-Пикчу не ходят автобусы.

– Да? – сказал Джеффри, выдержав паузу. – Что ж, если «Нэшнл Джеографик» наносит это отвратительное место на свои карты, могли бы и организовать автобусный маршрут.

Тут Магнус увидел собеседников. Они пробирались под арками, которых было полно, если пройти дальше колокольни. У Джеффри был нос человека, который никогда не затыкается. Он шелушился на сухом воздухе под палящим солнцем, а некогда накрахмаленные края белых брюк теперь обвисли, как жалкий вянувший цветок.

– А еще эти местные жители! – сказал Джеффри. – Я думал, мы хоть фотографий приличных нащелкаем. Думал, они будут колоритней, понимаешь?

– Ну надо же, оказывается, они здесь не для того, чтобы вас развлекать, – сказал Магнус по-испански.

Китти развернулась при звуках его голоса, и Магнус увидел насмешливое миниатюрное лицо и рыжие кудри под полами огромной соломенной шляпы. Китти морщила губы.

Джеффри тоже развернулся.

– Хорошая находка, подруга, – сказал он. – Вот этот – колоритней некуда.

Это было правдой. Магнус носил больше дюжины шарфов разных расцветок, аккуратно подобранных так, что они вились вокруг него удивительной радугой. Наблюдательность Джеффри его не впечатлила – тот не мог сообразить, что коричневая кожа бывает не только у местных, но и у таких же гостей страны, как он.

– Послушайте, старина, не хотите ли сфотографироваться, – сказал Джеффри.

– Вы идиот, – сказал ему Магнус по-испански, широко улыбаясь.

Китти усмехнулась и закашлялась.

– Спроси его, Китти, – сказал Джеффри тоном хозяина, желающего, чтобы его собака исполнила трюк.

– Простите его, – запинаясь произнесла Китти по-испански.

Магнус улыбнулся и эффектным жестом подал ей руку. Пройдя по плитам, которые время сделало гладкими, как вода, Китти пожалала ее.

– Замечательно, замечательно. Маме фотографии понравятся, – радостно сказал Джеффри.

– Как ты с ним уживаешься? – поинтересовался Магнус.

Они обменялись белозубыми, но совершенно неискренними улыбками актеров.

– Нелегко, – призналась Китти.

– У меня есть другое предложение, – сказал Магнус растянутым в улыбке ртом. – Давай убежим вместе. Прямо сейчас. Нас ждет увлекательное приключение, обещаю.

Китти озадаченно посмотрела на него. Джеффри развернулся, ища того, кто мог бы сфотографировать всех троих вместе. Из-за спины Джеффри Магнус заметил, что лицо Китти медленно расплывается в ответной улыбке:

– Что ж. Почему бы и нет?

– Отлично, – сказал Магнус.

Он развернулся, схватил ее за руку, и они, смеясь, побежали по залитой солнцем улице.

– Нам нужно бежать быстрее. Он обязательно заметит, что я украла у него часы, – запыхавшись, крикнула Китти на бегу.

Магнус моргнул:

– Простите?

Позади них раздался шум, очень похожий на облаву. Магнус был, хоть и не по своей вине, хорошо знаком со звуками полицейской погони. Он заставил Китти свернуть в переулок. Все еще смеясь, она стала расстегивать пуговицы на блузке.

– Они, наверное, не сразу поймут, – пробормотала она, когда жемчужные пуговицы разошлись, явив глазу роскошные изумруды и рубины, – что я украла все драгоценности его матушки.

Она хитро улыбнулась, и Магнус расхохотался:

– Так вы обводите вокруг пальца неприятных толстосумов?

– И их матушек. Я бы, наверное, смогла лишить их всего состояния или, по крайней мере, серебра, но, когда такой красавец предложил мне убежать с ним, я подумала: «Была не была».

Звуки погони стали громче.

– Это было верным решением. Раз уж вы мне кое-что показали, позвольте и я вам тоже кое-что покажу.

Он щелкнул пальцами, не забыв о том, чтобы впечатлить даму шлейфом из голубых искр.

Китти поняла, что происходит, когда один из преследователей заглянул в переулок и побежал дальше.

– Они нас не видят! Мы невидимы! – взволнованно выдохнула она.

Магнус поднял брови и сделал эффектный жест:

– Вы совершенно правы!

Магнусу доводилось видеть людей напуганных, шокированных, пораженных его способностями.

Но Китти бросилась ему на шею:

– Скажите мне, прекрасный незнакомец, вы не хотели бы стать вором-волшебником?

– Похоже, приключение будет веселым. Только обещайте, что воровать мы будем у противных богачей, а деньги тратить на выпивку и безделушки.

Китти одарила его поцелуем.

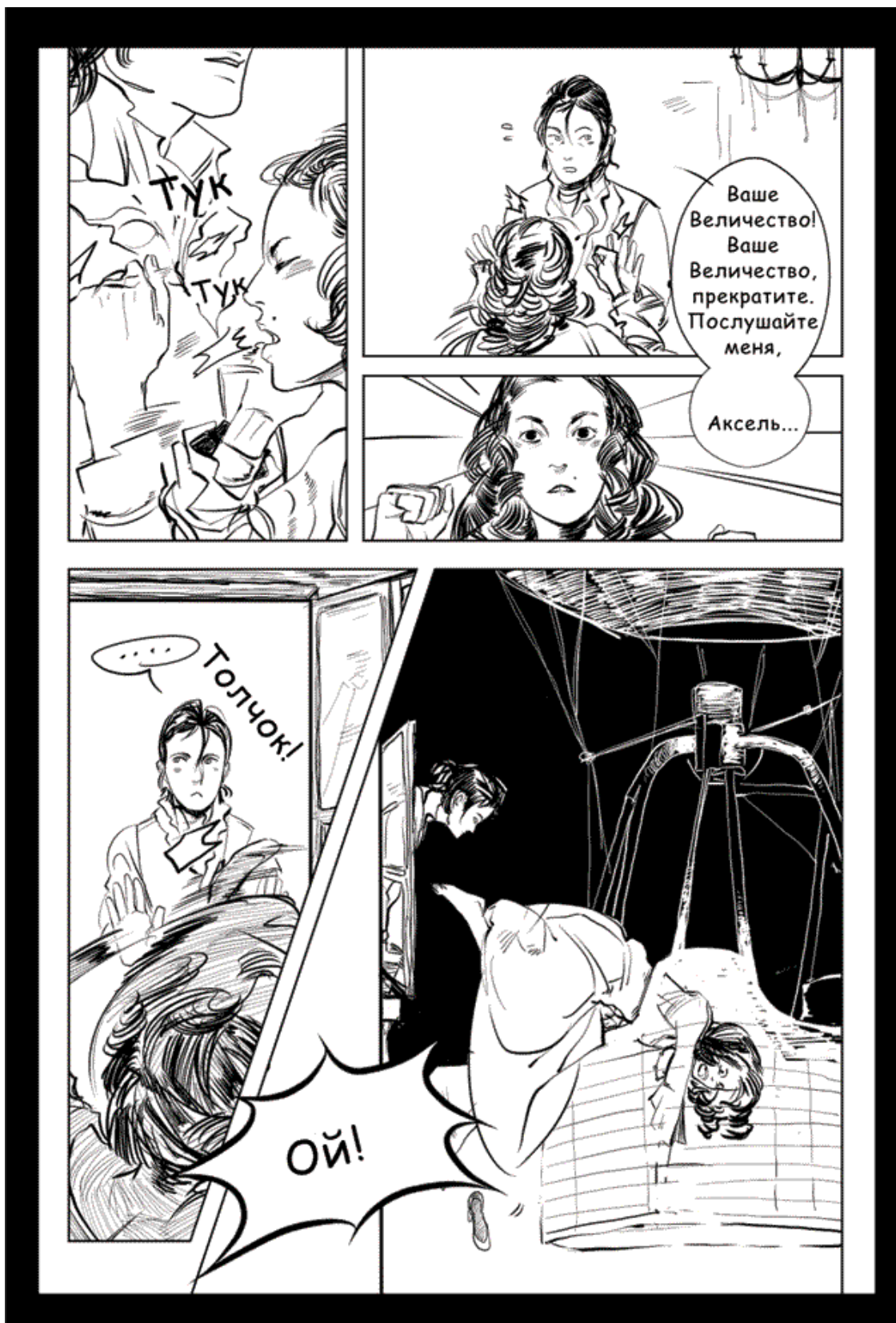
Они полюбили друг друга, но любовь их продлилась только одно лето. Но это было сумасшедшее лето. Они со смехом убегали вместе, а их разыскивала полиция сразу нескольких стран.

Самым приятным воспоминанием, оставшимся у Магнуса, была фотография, которую он так и не увидел: последняя фотография, сделанная Джеффри, – человек в развевающихся разноцветных шарфах и стоящая за ним женщина в белой блузке улыбаются, потому что им обоим известно то, о чем не подозревает фотограф.

Но даже то, что Магнус, неожиданно для себя самого, стал мошенником, не было причиной его изгнания из Перу. Верховный совет колдунов провел тайное заседание, и несколько месяцев спустя Магнус получил письмо, где говорилось, что отныне ему под страхом смерти запрещено появляться в Перу, ибо он совершил чудовищные преступления. Несмотря на все попытки получить разъяснения, он так и не узнал, почему именно его изгнали из страны. Причина, по которой Магнусу запретили появляться в Перу и по сей день, остается – и, наверное, уже навсегда останется – тайной.

Королева-беглянка

При слове «Аксель» королева застыла. Именно этого и добивался Магнус. Он вытолкнул ее спиной вперед. Шар отлетел от окна сантиметров на тридцать, и королева упала в корзину только половиной тела.

Париж, июнь 1791 года

Магнусу нравились утренние запахи Парижа. И это было удивительно, потому что пахло в Париже по утрам перепревшим на солнце сыром и рыбьими внутренностями. Еще пахло людьми и продуктами их жизнедеятельности (не культурой, а гораздо менее приятной субстанцией, которую ведрами выливали из окон). Но были и другие запахи, менявшиеся от улицы к улице, от здания к зданию. Пьянящий запах пекарни неожиданно сменялся ароматом гардений в саду, а тот уступал место вони и запаху крови со скотобойни. Париж был полон жизни – Сена струилась по огромной артерии, сосуды широких улиц сужались до крошечных переулков, – и каждый дюйм был пропитан запахом. Здесь пахло жизнью – жизнью во всем ее разнообразии.

Сегодня, впрочем, запахи были даже чересчур сильны. Магнус отправился по незнакомому маршруту, который завел его в захолустный уголок Парижа. Дорога здесь была ухабистой, и карета подпрыгивала на кочках. Внутри было ужасающе жарко. Магнус оживил один из своих роскошных китайских вееров, но облегчения не почувствовал – воздух едва колыхался. Пришлось признаться себе (чего совсем не хотелось делать), что новый камзол в розово-голубую полоску из тафты и атласа и шелковый жилет с пташками и херувимами совсем не подходили для такой жары. Воротник-бабочка, парик, чудесные новые перчатки нежно-лимонного цвета... все это было не по погоде.

Но тот, кто хочет выглядеть сногшибательно, просто обязан терпеть. Либо ты носишь все это, либо списываешь сам себя в разряд неудачников.

Магнус откинулся на спинку сиденья и смирился с потом, радуясь тому, что не поступил принципами, которые здесь, в Париже, многие разделяли. В столице все старались одеваться по последней моде. Парики до потолка с миниатюрными корабликами в них, роскошные шелка, декоративные мушки, белая пудра и румяна, которыми пользовались и мужчины, и женщины... В Париже можно было иметь раскосые кошачьи глаза, как у Магнуса, и все будут думать, что это не подарок природы, а изыски моды.

В таком месте предприимчивому колдуну всегда есть чем заняться. Аристократы любили волшебство и были готовы за него платить. Они щедро платили за везение за карточным столом, за то, чтобы ручные обезьянки заговорили, а птицы запели арии из любимых опер. Им хотелось, чтобы на щеках внезапно появлялись мушки в форме сердец, бокалов для шампанского или звезд. Им хотелось, чтобы бриллианты сияли еще ярче. Им хотелось удивлять своих гостей огненными фонтанами или... разгуливающими по комнате креслами. Все их просьбы, касающиеся спальни, Магнус аккуратно записывал: альковные фантазии парижан, а еще больше обитателей Версаля, порой переходили всякие границы. Больших развратников, чем эти люди, Магнус не встречал, и положила руку на сердце восхищался ими.

Революция, однако, положила конец излишествам. Каждый день – даже сейчас, раздвигая голубые шелковые занавески и окидывая взглядом улицу, – Магнус все больше убеждался в этом. Он видел, какими пронзительными взглядами *санкюлоты*, уныло толкавшие повозки или продававшие кошатину на углу, провожают его карету.

Магнус снимал апартаменты в Маре, на рю Барбетт, около Отеля де Субиз, принадлежавшего его старому другу принцу де Субиза, к несчастью недавно почившему. Особняк окружал великолепный сад, и Магнусу дозволялось бродить по его аллеям в любое время суток. Но это не было исключением – он был вхож во многие знатные дома Парижа. Его друзья-аристократы по большей части были глупы, но совершенно безобидны. Однако теперь выставлять напоказ свои знакомства было рискованно. Связи и богатство больше не были плюсом. Вонючие голодранцы, завоевав Францию, перевернули все с ног на голову.

К революции Магнус относился неоднозначно. Люди голодали. Цена на хлеб все еще оставалась очень высокой, и это не могло не вызывать ропота. Да еще королева Мария-Антуа-

нетта, узнав, что у ее подданных нет денег на хлеб, подлила масла в огонь: «Пусть едят пирожные!» Сам Магнус всегда сочувствовал бедным и убогим. Ему казалось разумным, что народ выдвигает требования. Людям надо есть, надо чем-то растапливать очаг и, в конце концов, надо что-то надевать на себя. Все это жизненно необходимые вещи. Ни в одной другой стране Магнус не видел столь разительных контрастов. И дело даже не в бедняках – бедняки везде одинаковы, – а в головокружительной роскоши аристократов.

Магнус предпочитал понимать, что происходит, но сейчас это удавалось ему с трудом. Никто точно не знал, кто управляет страной. Революционеры постоянно ссорились. Конституция бесконечно переписывалась. Король и королева, судя по всему, до сих пор обладали какой-то властью, но находились под контролем революционеров. Периодически во имя свободы совершались нападения, убийства и поджоги. Жить в Париже означало жить на пороховой бочке, причем эта бочка стояла на пирамиде таких же бочек в трюме корабля, бесцельно дрейфующего в море. Не покидало чувство, что народ – серая безликая масса – готов убить каждого, кто пока еще мог позволить себе купить шляпу.

Ну хватит, хватит. Магнус откинулся на спинку сиденья и поднес к носу платок, пропитанный жасминовой водой. Довольно смрада и беспокойства – он едет посмотреть на воздушный шар.

Конечно, ему уже приходилось летать. Он оживлял ковры и поднимался в небо на спинках птиц. Но воздушный шар – никакое не волшебство, а дело рук человека. Воздушные шары, хотя и появились уже довольно давно, были диковинкой и, откровенно говоря, немного пугали его. Нет, вы только подумайте – поднимаешься в воздух в корзине, и весь Париж смотрит на тебя... Вот именно по этой причине ему и хотелось попробовать.

Первый полет на воздушном шаре состоялся лет десять назад, когда еще не было никакой революции, и в парижских салонах только и говорили об этом. Но Магнус, он уже и не помнил по какой причине, остался в стороне от всеобщего увлечения. И вдруг все изменилось. Несколько дней назад, возможно слегка перебрав вина, он задрал голову вверх и увидел чудесный небесно-голубой шар, разрисованный золотистыми ирисами и знаками зодиака. Его сердце дрогнуло, и он захотел немедленно прыгнуть в корзину, чтобы проплыть над городом. Прихоть, конечно, но для Магнуса в жизни не было ничего важнее прихотей. В тот же день он отыскал одного из братьев Монгольфье и выложил ему огромную сумму за полет.

Направляясь к месту, откуда этот полет должен был начаться, Магнус пытался вспомнить, сколько же он выпил вина, когда принял решение подняться в воздух не с помощью волшебства, а на странном аппарате, пусть и очень красивом.

Явно очень много.

Карета остановилась около Шато-де-ла-Мюэтт, некогда прекрасного дворца, теперь, увы, пришедшего в запустение. Магнус вышел из кареты и решил немного пройтись по парку. От духоты было трудно дышать – трудно настолько, что хотелось скинуть этот чертов наряд. Сквозь деревья он увидел, что его уже ждут. Пока еще спущенный шар лежал на траве – шелк прекрасен, как и всегда, но Магнус надеялся увидеть что-то более впечатляющее. Если на то пошло, в его гардеробе есть пижамы покрасивее.

Один из братьев Монгольфье (Магнус так и не припомнил, с кем из них он договаривался) подбежал к нему с покрасневшим лицом:

– Месье Бейн! Сожалею, но погода сегодня нелетная. Я даже заметил, как сверкнула молния!

Словно подтверждая его слова, вдали прогрехотал гром. Небо потемнело.

– Сегодня взлететь не выйдет. Может быть, завтра? Алэн, убирай шар!

Шар скатали в рулон и унесли в небольшую беседку.

Магнус не стал показывать виду, что огорчен, и, пока погода не испортилась окончательно, снова углубился в парк.

Здесь было довольно много народу, но, силы всемогущие, ни одного симпатичного лица! А ведь когда-то сюда приходили, чтобы пофлиртовать. Буа-де-Булон еще совсем недавно был частным парком, но теперь открылся для всех, и на этих чудесных землях сажали картошку. Люди, которые занимались этим, носили одежду из грубой ткани. Аристократы прозвали их *санкюлотами*, потому что штаны у мужчин были длинными, ничего общего не имеющими с *кюлотами* – нарядными штанишками до колен, которые носят с тонкими шелковыми чулками. Один из мужчин, проходивший мимо Магнуса, бросил неодобрительный взгляд на его роскошные бриджи в розовую полоску. Магнус поежился – быть сногшибательным в такое время нелегко.

Среди гуляющих или просто спешащих по своим делам, а таких было большинство (все они говорили о революции), Магнус заметил знакомого, но был не рад этому. К нему быстро приближался Анри де Полиньяк, одетый в серебристо-черный костюм. Анри был помощником Марсея Сен-Клауда, главы самого могущественного вампирского клана Парижа. И он был ужасным занудой, несмотря на свою молодость. «Господин сказал так», «господин сказал этак», вечно пресмыкается и путается под ногами – с ним и разговаривать не о чем. Интересно, что он делает в парке, да еще днем? – подумал Магнус. Наверняка охотится, ищет, кого бы кусить, ищет кандидатов в жертвы. А теперь еще и будет досаждать ему.

– Месье Бейн! – сказал Анри, отвесив короткий поклон. – Я давно вас не видел...

– Ах, – беспечно отозвался Магнус, – я был занят. Дела, знаешь ли. Революция.

– Конечно, конечно. Но мой господин недавно говорил, что давно вас не видел. Он интересовался, куда это вы запропалились.

– Нет-нет, я никуда не запропалился. Просто был занят, – ответил Магнус, пытаюсь сохранить улыбку на лице.

– Мой господин тоже занят, – сказал Анри, криво ухмыльнувшись. – Вы обязательно должны нас навестить. Господин устраивает прием в понедельник вечером. Он сильно на меня осерчает, если я вас не приглашу.

– Да? – Магнус сглотнул скопившуюся во рту горечь.

– Несомненно!

От приглашения Сен-Клауда никто не отказывался, если хотел спокойно жить в Париже. Вампиров легко обидеть, а парижских вампиров – легче всего.

– Разумеется, – сказал Магнус, осторожно стягивая с руки одну из лимонно-желтых перчаток, чтобы найти себе хоть какое-то занятие. – С удовольствием. С превеликим удовольствием.

– Так я скажу господину, что вы придете, – с явным облегчением произнес Анри.

На камзол Магнуса упали первые капли дождя. Это дало ему повод распрощаться с собеседником. Через несколько шагов Магнус поднял руку – меж пальцев засверкала паутина голубых искр, и над головой образовался невидимый навес; дождь теперь ему не страшен.

Париж... Как сложно стало в нем жить. Сплошная политика. Ах, мои туфли! Почему я не надел сегодня шелковые? Знал же, что пойду в парк. Но эти, сшитые Жаком с рю де Бале, так хороши, что невозможно было удержаться. Возможно, стоит уехать куда-нибудь в другое место. Лондон – хороший вариант. Город, равнодушный к моде, но и не без плюсов. Или Альпы. Там чистый свежий воздух. Он мог бы гулять среди эдельвейсов и наслаждаться горячими источниками. А Индия? Он давно уже там не бывал. А может, Перу?

Но нет, лучше остаться в Париже...

Едва он сел в карету, как небеса разверзлись по-настоящему; дождь так сильно забарабанил по крыше, что Магнус перестал слышать собственные мысли. Мимо с визгом пробежали две хорошенькие гризетки – спешили укрыться под деревом. Краски стали ярче – цветы, каза-

лось, расцвели под дождем. Магнус вдохнул полной грудью парижский воздух, который ему так нравился.

Карета тронулась с места, но в эту минуту настроение Магнуса было испорчено – кто-то бросил в окно гнилую картошку. День явно не задался, и спасти его могли только прохладная ванна и чашка обжигающего чая. Остаток пути Магнус мечтал о том, как примет ванну и будет сидеть у окна, потягивая лапсанг сушонг и наблюдая за тем, как Париж заливают дождем. А потом... Потом он приляжет на кушетку и будет читать «Совращенного поселянина» Никола Бретона, а еще лучше Шекспира. Возможно, он даже вздремнет, а когда проснется, выпьет бокал шампанского и начнет одеваться перед походом в оперу.

– Мари! – крикнул Магнус, заходя в дом. – Ванну!

Прислуживала ему старая пара, Мари и Клод. За много лет службы они стали незаменимыми.

Магнус любил Париж. Конечно, были города, естественная красота которых трогала сердце, но красота Парижа была *неестественной*, и это волновало его еще больше. Что же касается этого дома, то все в нем доставляло ему удовольствие: шелковые обои – желтые, розовые, серебряные и голубые, – позолоченные столы и кресла, часы, зеркала, посуда... Как же здесь хорошо!

Многие жители Сумеречного мира предпочитали держаться от Парижа подальше. Конечно, здесь было немало оборотней, и в каждой речной долине водились феи. Но Париж оставался городом вампиров. На то имелось много причин – по натуре вампиры были аристократическими созданиями, бледными, грациозными, они любили наслаждения и мрак, и им было на кого охотиться в этом городе. Гипнотический взгляд вампиров заморозил немало знатных дворян. Боялись ли их? Да, боялись, но многие дворяне считали, что нет ничего приятнее, чем позволить вампиру выпить твою кровь.

В 1787 году началась «вампирская лихорадка». Стали пропадать дети, а подростки все чаще возвращались домой с отсутствующим взглядом. Так случилось с Анри и его сестрой Бригиттой, племянником и племянницей герцога де Полиньяка. Некогда они были членами одного из знатных родов Франции, а теперь жили с Сен-Клаудом и повиновались ему. К слову, поручения Сен-Клауда часто оказывались довольно странными. По мнению Магнуса, этот тип был настоящим злодеем. Сумеречные охотники, по всей видимости, ничего не знали о том, что творит его братия. Впрочем, в Париже немало мест, где можно скрыться. Под городом пролегали километры катакомб, и очень легко было схватить кого-нибудь с улицы и утащить вниз. К тому же у Сен-Клауда повсюду были друзья, готовые помочь ему в любую минуту. Магнус старался избегать и парижских вампиров, и тех, что жили в Версале. Даже ему встречи с ними не сулили ничего хорошего.

Мари наполнила ванну. Ванна стояла у окна, и Магнус, нежась в воде, мог наблюдать за улицей. Но сегодня ему хотелось читать. Примерно через час – холодная вода его бодрила – он отложил книгу и принялся наблюдать за тяжелыми облаками, думая о Клеопатре: однажды она растворила бесценную жемчужину в стакане вина. В дверь постучали, и вошел Клод:

– К вам гость, месье Бейн.

Клод знал, что ему не обязательно сообщать Магнусу имя посетителя.

– Ладно, – со вздохом кивнул Магнус, – пригласите его.

– Месье будет принимать гостя в ванной?

– Месье подумывает об этом... – Как бы то ни было, придется соблюдать приличия.

Он выбрался из ванны, надел шелковый халат с изображением павлина и с раздражением сел в кресло у окна.

– Клод! – закричал он. – Зови его!

Мгновение спустя дверь открылась.

На пороге стоял привлекательный мужчина в дорогой одежде изысканного покроя. Черные волосы подчеркивали яркую голубизну его глаз. Магнус воспрянул духом. Как щедра могла быть Вселенная, когда хотела! И это после того, как она лишила его возможности полетать на воздушном шаре и обрекла на неприятную встречу с Анри!

– Вы месье Магнус Бейн, – с уверенностью сказал мужчина.

Магнуса трудно было перепутать с кем-то. Высокие мужчины с кошачьими глазами и смуглой кожей в Париже встречались редко.

– Да, это я, – ответил Магнус.

Многие дворяне, которых доводилось встречать Магнусу, производили впечатление рассеянных людей, которым никогда в жизни не приходилось заниматься ничем важным. Но этот человек был совсем другим. Он держался гордо, и в глазах его читались серьезные намерения. По-французски он говорил с легким акцентом, распознать который Магнус не смог.

– Я пришел, чтобы обсудить с вами одно важное дело. Обычно я не... Я...

Магнус понимал причину волнения. Некоторые люди начинали нервничать в присутствии колдунов.

– Вам неудобно, месье, – сказал Магнус с улыбкой. – Позвольте, я это исправлю. У меня к этому большой талант. Сядьте, выпейте шампанского.

– Я предпочитаю стоять, месье.

– Как пожелаете. Могу я узнать ваше имя? – спросил Магнус.

– Меня зовут граф Ханс Аксель фон Ферзен.

«Граф! – возликовал Магнус. – Черноволосый, голубоглазый! Судя по выправке, военный. И он явно рассчитывает на мою помощь... Вселенная заслуживает букета цветов – сегодня она превзошла себя!»

– Месье Бейн, я слышан о ваших талантах. Не могу сказать, что верю во все это, но разумные люди говорят, что вы способны на чудеса за гранью понимания.

Магнус шутливо развел руками:

– Да, это правда. Я умею творить чудеса.

– Я слышал, вы можете изменить облик человека с помощью какого-то... фокуса.

Фокус? Для Магнуса это было оскорблением, но он решил проигнорировать его.

– Месье, – продолжил фон Ферзен, – что вы думаете о революции?

– Революция вершится вне зависимости от того, что я о ней думаю, – холодно сказал Магнус. – Я не гражданин Франции и вряд ли должен иметь мнение о том, как будет развиваться государство.

– Я тоже не гражданин Франции. Я швед. Но у меня есть чувство, очень сильное чувство...

Магнусу понравилось, что фон Ферзен заговорил о сильных чувствах. Очень понравилось.

– Простите, я не мог не обратиться к вам... вы единственный, кто может помочь. Обращаясь к вам, я вверяю свою жизнь в ваши руки и рискую жизнями других, гораздо более ценными, чем моя. Но я не действую вслепую. Я интересовался вашей персоной, месье Бейн. Я знаю, что у вас много друзей среди аристократов. Я знаю, вы – человек известный и живете в Париже уже шесть лет. Говорят, вы человек слова. Это так, месье?

– Зависит от слова, – пожал плечами Магнус. – В мире много прекрасных слов...

Он укорил себя за плохое знание шведского – мог бы добавить еще какую-нибудь остроту. В его словаре было несколько хлестких фраз на всех языках, но на шведском он знал только «Вы подаете еще что-нибудь, кроме соленой рыбы?» и «Если ты укутаешь меня в меха, я буду твоим маленьким пушистым медвежонком».

Было заметно, что фон Ферзен пытается взять себя в руки, прежде чем произнести следующую фразу. Наконец он решился:

– Я хочу, чтобы вы спасли короля и королеву. Сохранили королевскую семью Франции...
Что ж, весьма неожиданный поворот. Словно в ответ, за окном прогремел гром.

– Предельно ясно, – выдержав паузу, ответил Магнус.

– Каковы ваши чувства, месье?

– Такие же, что и у всех, – ответил Магнус, в свою очередь пытаясь сохранить спокойствие. – Обоняние, осязание...

Но на самом деле ему было не до шуток. В версальский дворец ворвались крестьяне и выгнали оттуда королевскую чету – ей пришлось перебраться в Тюильри, обветшалый дворец посреди Парижа. Появились памфлеты, в красках описывающие злодеяния властителей Франции. Особым нападкам подверглась Мария-Антуанетта. Если верить авторам памфлетов, она была склонна к извращенным удовольствиям... Нет, нет, нет! – все это слишком мерзко, слишком аморально, чтобы быть правдой. Магнус и сам был не прочь поучаствовать в оргиях, но не решился бы и на половину того, что приписывали королеве. Памфлеты стремились выставить частную жизнь монархов в дурном свете, но в результате разожгли интерес к ней, сделали притягательной.

– Сказав вам об этом, я пошел на немалый риск, – продолжил граф.

– Понимаю, понимаю, – кивнул Магнус. – Но зачем спасать королевскую семью? В Париже она в безопасности, разве не так?

– Боюсь, что нет... – От волнения фон Ферзен зарделся, и сердце Магнуса затрепетало. – Они в плену, а плененных монархов обычно не возвращают на трон. Нет, нет... Страшное близится. Они вынуждены жить в ужасающих условиях. Слуги жестоки, они смеются над ними. Во дворце грязно, их элементарно обворовывают. Я уверен... совершенно уверен, что, если их не освободить, они погибнут. Но я не могу жить, зная об этом. Когда их изгнали из Версаля, я продал все, что имел, и последовал за ними. Я готов пойти за ними куда угодно.

– Но чего же вы хотите от меня? – спросил Магнус.

– Я слышал, вы умеете изменять человеческий облик...

Магнус неопределенно кивнул. Ему было приятно, что о его талантах говорят в свете.

– Вам заплатят столько, сколько вы пожелаете. Королевская семья в Швеции тоже узнает об оказанной вами великой услуге.

– При всем уважении, месье, – сказал Магнус, – но я живу не в Швеции. Я живу здесь. И если я сделаю то, о чем вы просите...

– Вы окажете Франции великую услугу. Когда Бурбоны вернутся на трон, вас будут почитать как национального героя.

Все это было совершенно не важно. Важен был сам фон Ферзен. Его голубые глаза и темные волосы, его страстность и мужество. Его осанка. Сильный, высокий...

– Месье, вы на нашей стороне? Мы можем заручиться вашей поддержкой, месье?

Это была плохая идея.

Просто отвратительная.

Хуже не придумаешь.

Но он не мог устоять:

– Да. Даю вам слово.

– Тогда я приду завтра вечером и расскажу о своем плане.

– Если нам предстоит приключение, я настаиваю, чтобы мы поужинали вместе, – оживился Магнус.

После секундной паузы Аксель резко кивнул:

– Да, я согласен. Мы поужинаем вместе.

После того как граф ушел, Магнус еще долго смотрелся в зеркало, пытаясь отыскать признаки безумия. Волшебство, которое от него требовалось, было очень простым. Он может проникнуть во дворец и выбраться из него с помощью простейших чар. Никто ничего не узнает...

Нет, он мотнул головой. Это Париж. Здесь все всё знают.

Шампанское было теплым, но он все же сделал глоток. Все сомнения заглушал стук его сердца. Он давно уже не чувствовал такого волнения. Думать он мог только о фон Ферзене.

Вечером следующего дня ужин Магнусу готовил шеф-повар Отеля де Субиз. Друзья Магнуса разрешали ему пользоваться услугами своих поваров, когда нужно было накрыть изысканный стол. Сегодня на столе были нежнейший крем-суп из голубятины, утка в апельсинах, телятина на вертеле, зеленые бобы в собственном соку, артишоки, кремовые тарталетки, пирожные и фрукты. Устроить все это было довольно просто, а вот одеться к столу – отнюдь. Совершенно ничего не подходило. Требовалось что-нибудь кокетливое и привлекательное, но в то же время серьезное и деловое. Сначала Магнус решил, что к лимонно-желтому камзолу и такого же цвета кюлотам идеально подойдет пурпурный жилет, но потом он примерил зеленый жилет и фиолетовые бриджи. В итоге он остановился на однотонном костюме лазурного цвета, но для этого ему пришлось перемерять весь платяной шкаф.

Ожидание превратилось в сладкую агонию. Магнус был способен только на то, чтобы ходить кругами, смотреть в окно и ждать, когда подъедет экипаж графа. Он без конца подходил к зеркалу, а потом к столу, который искусно сервировали Клод и Мари, прежде чем он отпустил их на остаток вечера. Накануне Аксель попросил, чтобы они ужинали в одиночестве, и Магнус возликовал, желая того же.

Ровно в восемь перед домом остановился экипаж, и на мостовую спрыгнул Аксель. Он поднял глаза и улыбнулся, как будто знал, что Магнус смотрит на него.

Магнус ощутил приятное головокружение, даже панику... И поспешил вниз по ступеням, чтобы встретить желанного гостя.

– Я отпустил прислугу на весь вечер, – сказал он, пытаясь взять себя в руки. – Входите. Ужин ждет нас наверху. Простите за неформальный прием.

– Конечно, месье, – кивнул Аксель.

Вопреки ожиданиям хозяина граф сразу перешел к делу. Как оказалось, он привез с собой карты, которые быстро развернул на диване.

– План побега мы разрабатывали в течение нескольких месяцев, – сказал он, сев наконец за стол и взяв артишок с серебряного блюда. – Я, королева и наши единомышленники.

– А король? – спросил Магнус.

– Его Величество... Он очень подавлен тем, что происходит. Ее Величество приняли на себя ответственность.

– Вам, кажется, нравится Ее Величество, – осторожно заметил Магнус.

– О, ею нельзя не восхищаться, – сказал Аксель, промокнув рот салфеткой.

– А она, я вижу, доверяет вам. Наверное, вы близки...

– Ее Величество милостиво приблизила меня к себе.

Магнусу оставалось читать между строк. Граф не собирался разглагольствовать о своих любовных связях, и это делало его еще более привлекательным.

– Побег намечен на воскресенье. План очень простой, – продолжил Аксель. – Мы заранее позаботились о том, чтобы стража видела, как в определенное время из определенных дверей выходят люди. В ночь побега вместо этих людей выйдет королевская семья. Детей разбудят ровно в десять тридцать. Дофин будет переодет девочкой. Его с сестрой выведет из дворца королевская гувернантка, маркиза де Тузель, они пройдут пешком до площади Карусель, где встретятся со мной. Я буду в дилижансе. Мы подождем мадам Елизавету, сестру короля. Она выйдет через ту же дверь, что и дети. Когда Его Величество проснется, он тоже покинет дворец под видом шевалье де Коиньи. Ее Величество... бежит последней.

– Мария-Антуанетта бежит последней?

– Таково ее решение, – сказал фон Ферзен. – Эта женщина... Она чрезвычайно отважна. Она сама настояла на том, чтобы бежать последней. Если хватятся остальных, она готова пожертвовать собой, чтобы дать им уйти. – В его голосе зазвучала страсть.

Кошачьи зрачки Магнуса сузились.

– Но почему вы хотите, чтобы я наложил на королеву чары?

– Отчасти дело во времени, – сказал Аксель. – В порядке, согласно которому семья будет покидать дворец. Его Величество будет находиться в окружении людей, пока не отойдет к вечернему сну. Потом он должен сбежать. Ее Величество останется во дворце в одиночестве. Ее легко узнать...

– Легче, чем короля?

– Конечно! Его Величество нельзя назвать... красивым. На его лице взгляд не задерживается. Обычно его узнают по одежде, по внешним признакам королевской власти. А Ее Величество... ее знают в лицо. Ее рисуют, в ее лицо всматриваются, ее манерам подражают. Она прекрасна, и лицо Ее Величества запомнили многие.

– Теперь понятно, – кивнул Магнус, надеясь сменить тему. – А что же дальше?

– Я поведу карету до самого Бонди...

Не отрывая глаза от Магнуса, граф перечислял детали: называл станции, на которых они будут менять лошадей, постоянные дворы, где, возможно, остановятся, но Магнуса все это не интересовало. Единственное, что удержало его внимание, – подбородок Акселя, трущийся об элегантный воротник. И пухлая нижняя губа, с которой не могло сравниться ни одно произведение искусства, ни один король, ни одна королева...

– Что же касается оплаты...

Эти слова вернули Магнуса на землю.

– Вопрос оплаты решается просто, – сказал он. – Оплата мне не нужна.

– Месье, – восхищенно произнес Аксель, наклонившись вперед, – вы настоящий патриот Франции!

– Я сделаю это ради укрепления нашей дружбы, – спокойно продолжил Магнус. – Но я надеюсь снова увидеть вас, когда все закончится.

– Увидеть меня?

– Увидеть вас, месье.

Аксель, слегка втянув плечи, опустил глаза в тарелку. На мгновение Магнус решил, что он поторопился и сделал неверный шаг. Но Аксель снова поднял голову, и в его голубых глазах блеснуло пламя свечи.

– Месье, – сказал он, взяв Магнуса за руку, – мы станем близкими друзьями.

Именно это Магнус и хотел услышать.

Воскресным утром в день побега Магнуса разбудил привычный звон колоколов. Голова его до сих пор гудела после долгого вечера с графом Де*** и актерами «Комеди Итальян». Возможно, это они оставили у него обезьянку. Она сидела у изножья кровати и радостно жевала хлеб, приготовленный Магнусу к завтраку. До этого проказница успела перевернуть чайник, принесенный Клодом, и истрепать павлиньи перья.

– Привет, – сказал Магнус обезьянке.

Та посмотрела на него с обидным равнодушием.

– Я назову тебя Рагнором. – Магнус откинулся на подушки и громко позвал: – Клод!

Дверь открылась, и вошел старый слуга. Казалось, он ничуть не удивился присутствию Рагнора и тут же принялся вытирать пролитый чай.

– Клод, раздобудь моей обезьянке поводок и шляпку.

– Конечно, месье.

– Думаешь, ей нужен камзол?

– Полагаю, не в такую погоду, месье.
– Ты прав, – сказал Магнус со вздохом. – Пусть носит простой халат, такой же, как у меня.
– Какой именно вы имеете в виду, месье?
– Розово-серебряный.
– Отличный выбор, месье, – невозмутимо сказал Клод, собирая перья.
– И еще. Отведи-ка ее на кухню и накорми завтраком. Ей понадобятся фрукты и вода. И холодная ванна не помешает. Э-э-э... почему «ей»? Это он – Рагнор.

Рагнор к этому моменту уже направлялся к изысканной фарфоровой вазе, но Клод схватил его за шкирку так, словно всю жизнь управлялся с нахальными обезьянами.

– Простите, месье, – сказал Клод, вытаскивая из кармана сложенный листок. – Утром вам пришла записка.

Когда он удалился вместе с обезьянкой, Магнус разорвал конверт.

Записка гласила:

«Возникла проблема. Все переносится на завтра. Аксель».

Ну вот, планы на вечер сорваны...

Он вспомнил, что на завтра назначен прием у Сен-Клауда. И выполнить придется оба обязательства. Что ж, доедет до Тюильри, разберется с королевой, прыгнет в карету и помчится на прием. Бывали и понасыщенной вечера.

В любом случае Аксель стоил хлопот.

На следующий день прием у Сен-Клауда занимал мысли Магнуса гораздо больше, чем побег королевской семьи. Побег он организует с помощью простых чар, а вот прием... Наверняка ему придется пережить несколько неприятных минут. От него требовалось не так уж много – натянуть улыбку, поболтать с гостями, и всё – он свободен. Но Магнус не мог отделаться от чувства, что в этот вечер что-то пойдет не так.

Но прежде всего нужно было решить вопрос с королевой.

Он пообедал, принял ванну, оделся и ровно в девять покинул свои апартаменты. Садясь в карету, он велел кучеру отвезти его в сад Тюильри и вернуться за ним в полночь. Никаких подозрений это не вызывало. Многие приходили в сад ради «случайных встреч» в тени деревьев.

Магнус немного погулял по саду, изредка подглядывая за влюбленными парочками сквозь листья.

В десять тридцать он пробрался во дворец и, руководствуясь картой Акселя, направился к апартаментам покойного герцога де Вилькера. Если все пойдет по плану, юная принцесса и дофин, переодетый девочкой, вот-вот должны будут выйти через неохраняемые двери. Если не выйдут – план сорван.

Дети в сопровождении няни вышли с небольшим опозданием. Магнус тихонько последовал за ними. Никем не замеченные, они прошли к площади Карусель. Там, в простом дилижансе, их уже ждал Аксель, одетый как простой извозчик. Подражая простолюдинам, он курил трубку, набитую вонючим табаком. От его лоска не осталось и следа. Аксель помог детям сесть в дилижанс, и у Магнуса перехватило дыхание. Смелость этого человека, его нежность, которую он не сумел скрыть, – все это трогало сердце колдуна, сдерживало его цинизм.

Проводив дилижанс взглядом, Магнус вернулся ко дворцу. Хотя вход не охранялся, он воспользовался чарами. Посторонний глаз мог увидеть большую кошку, проскользнувшую в дверь, случайно открытую ветром.

Во дворце стоял душный запах сырости, плесени и полных ночных горшков, выставленных прямо в коридорах. Полы были грязными. Света не было, если не считать того, что отражался в зеркалах от неприкрытых шторами окон.

Магнус достал из кармана карту Акселя, нарисованную от руки, и вгляделся в нее своими кошачьими глазами. Предстояло пройти через бесконечные ряды арок и залов. Чем дальше продвигался Магнус, тем чище становились комнаты; кое-где даже горели свечи, но Магнус не волновался о том, что его увидят. Пахло едой и табаком – таким же, как курил Аксель.

Наконец он добрался до королевских покоев. У дверей стоял стражник. Щелкнув пальцами, Магнус отправил в конец коридора маленькую искру, и стражник, оставив свой пост, побежал посмотреть, что это такое. Магнус повернул ключ в замке и осторожно вошел.

В комнате стояла неестественная бархатная тишина. Чуткий нос Магнуса тут же уловил дым от погашенной свечи. Он не испытывал особого трепета перед королевскими особами, но его сердце все же забилось быстрее. Постояв немного, он потянулся за вторым ключом, переданным ему Акселем. (У Акселя были ключи к личным покоям королевы!)

Еще один поворот ключа, и он увидел Марию-Антуанетту. Конечно, он много раз видел ее изображение, но теперь она стояла перед ним во плоти. *Обычная женщина*, и это шокировало сильнее всего. Но... Она была очаровательна! Ни один портрет не мог передать красоты ее глаз, больших и светлых. Вьющиеся волосы Марии-Антуанетты были аккуратно собраны под легкий льняной чепчик. Кружевная ночная рубашка делала ее невероятно соблазнительной.

Магнус молча наблюдал за тем, как она кругами ходит по комнате, охваченная волнением. Наконец он тихо произнес:

– Мадам, Вы ничего не замечаете?

Королева вздрогнула и озадаченно посмотрела в угол комнаты. Обнаружив, что угол пуст, она пожала плечами и прошла к окну. Лицо ее светилось решимостью, и Магнус невольно залюбовался. Теперь он понимал, почему Аксель полюбил ее, – у окна стояла сильная женщина, женщина с характером.

Он пошевелил пальцами, вызывая синее пламя. Королева в замешательстве повернулась. Магнус осторожно провел рукой перед ее лицом. Глаза Марии-Антуанетты уменьшились и потемнели, щеки стали пухлыми и налились румянцем, нос увеличился, подбородок опустился, волосы приобрели каштановый цвет. Подумав, Магнус изменил ее скулы и уши, чтобы завершить преобразование. Теперь она выглядела так, как... как русская дворянка, прожившая совсем иную жизнь.

Закончив работу, он вышел из дворца через потайную дверь, которую королева оставляла открытой, чтобы Аксель мог наносить ей ночные визиты.

План действительно был прост и элегантен и не потребовал особых усилий. Улыбаясь, Магнус поднял глаза на висевшую над Парижем луну и подумал об Акселе, ведущем дилижанс. Потом подумал об Акселе... который занимается чем-то другим. А потом поспешил прочь.

Ему повезло, что вампиры устраивают свои приемы так поздно: к Сен-Клауду он приехал далеко за полночь, но все-таки успел. Из кареты ему помогли вылезти дворецкие-вампиры, а у дверей уже поджидал Анри.

– Месье Бейн, – сказал он, льстиво улыбаясь, – хозяин будет весьма доволен.

– Я тоже рад, – сказал Магнус, едва скрывая сарказм.

Анри настороженно приподнял бровь, но в эту минуту к нему подошла очень похожая на него девица: светловолосая, со стеклянными глазами, но очень красивая.

– Вы знакомы с моей сестрой Бригиттой? – встрепенулся Анри.

– Конечно. Мы несколько раз встречались в вашей... прошлой жизни, мадемуазель.

– В моей прошлой жизни! В моей прошлой жизни! – звонко рассмеялась Бригитта.

Вероятно, мысли о прошлой жизни так рассмешили ее, что она хохотала и хохотала, не в силах остановиться. Анри совершенно не по-братски приобнял ее.

– Хозяин любезно разрешил нам оставить наши имена, – сказал он. – И я очень рад, что он позволил мне вернуться в мой дом и поселить здесь мою сестру. Хозяин проявил великодушие, как всегда.

Бригитта снова залилась смехом, и Анри игриво похлопал ее по заду.

– Ужасно хочется пить, – сказал Магнус. – Налью себе шампанского.

Особняк Сен-Клауда разительно отличался от мрачного, плохо освещенного Тюильри. Конечно, он был гораздо меньше дворца, но роскошь была поистине королевской. Стены были увешаны картинами, в канделябрах горели стильные черные свечи, везде суетились слуги, готовые исполнить любую прихоть хозяина и его гостей. В креслах сидели люди с бокалами вина в руках. *Не укушенные*. Выставив оголенные шеи, они ждали, когда наступит их звездный час. Вампиры на другой стороне зала плотоядно поглядывали на них, как смотрят на деликатесы за богато накрытым столом.

Облик вампиров стоит особого упоминания. Если в Париже огромные напудренные парики уже почти вышли из моды, уступив место естественным прическам, вампиры продолжали носить парики впечатляющих размеров. Взгляд Магнуса остановился на бледнолицой девице, сидевшей в углу. Парик у нее был под два метра, а поддерживал его изящный каркас, сделанный, как подозревал Магнус, из тоненьких детских костей. Уголки рта у этой красотки были запачканы кровью, а вот красные полосы на щеках... Сколько ни всматривался Магнус, он так и не смог понять, кровь это или слишком густо наложенные румяна, – вампиры, возможно в насмешку над людьми, обожали пользоваться румянами.

Проходя мимо арфиста, Магнус заметил, что тот прикован к полу за лодыжку. Понятно, подумал он, будет играть хорошо – дотянет до утра, сфальшивит – станет закуской любителей париков.

– Магнус! Магнус Бейн, куда же вы запропастились?

Марсель Сен-Клауд помахал ему рукой, перегнувшись через перила. Вокруг него вилась стайка вампиров. Обмахиваясь веерами, натянутыми на каркас из слоновьей и человеческой кости, они глазели на Магнуса.

Магнусу было больно в этом признаться, но Сен-Клауд был восхитительно красив. С возрастом у вампиров появляется особый шарм. А возраст Сен-Клауда исчислялся столетиями. Возможно, он даже бывал при дворе Влада, первого правителя вампиров. Хозяин дома был ниже Магнуса ростом и очень хрупок. Длинные пальцы, высокие скулы и абсолютно темные глаза, в которых отражалось мерцание свечей. А одежда... они с Магнусом одевались у одного портного, и, конечно, наряд его был прекрасен.

– Сожалею, мой друг, но я вечно занят, – сказал Магнус, с трудом выдавив из себя улыбку.

Сен-Клауд направился к лестнице. Вампиры шли за ним по пятам, стараясь не отставать. Лизоблюды!

– Жаль, что вы не застали де Сада. Он только что ушел.

– О да, жаль! – ответил Магнус.

Маркиз де Сад был странным человеком. Такого извращенного воображения Магнусу не доводилось видеть со времен испанской инквизиции.

– Хочу вам кое-что показать, – сказал Сен-Клауд, обвивая плечи Магнуса холодной рукой. – Нечто совершенно удивительное.

Магнус не мог не признать, что с Сен-Клаудом их объединяло то, что они оба ценили изящные вещицы, от мебели до одежды. Но если Магнус все это покупал либо получал в дар, как плату за свои услуги, то Сен-Клауд не гнушался обращаться к услугам революционеров и мародеров, грабивших дома знати. Что-то приносили ему другие вампиры, а что-то появлялось в его доме... само собой. Лучше было не задавать лишних вопросов и громко восхищаться приобретениями.

Внезапно с улицы раздался хор голосов – звали хозяина.

– Там что-то происходит. Пойду посмотрю, – сказал Сен-Клауд.

Голоса были возбужденными, и Сен-Клауду это не понравилось. Подобные интонации не сулили ничего хорошего.

– Друзья, что случилось? – спросил он, выходя на веранду, где столпилась группа вампиров во главе с Анри.

Самые крепкие из них держали женщину, которая отчаянно пыталась вырваться. Разглядеть ее в толпе было невозможно. Во рту у нее, судя по всему, был кляп, и она издавала сдавленные звуки.

– Господин! – заговорил Анри. – Господин, вы не поверите, но мы нашли... Вы не поверите, господин...

– Кого вы нашли? Что такое? Выведите ее вперед.

Толкнув пленницу вперед, вампиры расступились. Магнус изо всех сил сжал кулаки, чтобы не выдать себя.

Это была Мария-Антуанетта.

Чары, наложенные Магнусом в расчете на обычных людей, для вампиров ничего не значили. Королева была беззащитна, и ее красивое лицо побелело от ужаса.

– Вы! Что вы наделали? Вы будете... – дрожащим голосом обратилась она к толпе.

Марсель Сен-Клауд поднял руку, приказывая ей замолчать, и, к удивлению Магнуса, королева повиновалась.

– Кто привел ее? Как вы ее схватили?

– Это я, месье... – Вперед вышел щеголеватый вампир по имени Козель. – Я спешил к вам по рю дю Бак и... не поверил своим глазам. Она шла по улице, потерянная и напуганная. Я думаю, она сбежала из Тюильри.

Это выглядело вполне правдоподобно. Вряд ли королева когда-нибудь ходила по улицам одна. К тому же в темноте легко заблудиться. Она повернула не туда и каким-то образом оказалась на другом берегу Сены.

– Мадам, – почтительно произнес Сен-Клауд. – Или мне следует обращаться к вам «Ваше Величество»? Простите, я действительно имею честь разговаривать с нашей... находчивой королевой?

Раздался тихий смех, но сразу смолк.

– Вы не ошиблись, я ваша королева, – сказала Мария-Антуанетта, пытаясь подняться, – и я требую...

Сен-Клауд подошел к ней, окинул ее внимательным взглядом и отвесил короткий поклон:

– Ваше Величество, я безмерно польщен тем, что вы стали моей гостьей. Мы все безмерно польщены, не так ли, друзья мои?

Столпившиеся на веранде вампиры молчали. Тишина резала слух, и Магнус решил нарушить ее, удивляясь собственной смелости:

– Дорогой Марсель... Э-э-э... Мне жаль вас разочаровывать, но это не королева. Это любовница одного из моих клиентов... Ее зовут... Жозетт.

Слова Магнуса звучали фальшиво, и вампиры ждали продолжения.

Магнус широко улыбнулся, пытаясь сделать вид, что его позабавил такой поворот событий:

– Она хороша, не правда ли? У нас ведь с вами совпадают вкусы... Видите ли, один из моих клиентов захотел сделать с королевой то, что она много лет делала с народом Франции. Меня наняли для того, чтобы полностью преобразить Жозетт. И, не боясь показаться нескромным, скажу, что я справился с этой задачей отлично.

– Вы никогда и не казались мне скромным, – произнес Сен-Клауд без тени улыбки.

– Скромность – сомнительное достоинство, – пожал плечами Магнус.

– Но эта женщина утверждает, что она королева... Как вы объясните это?

– Я королева, чудовище! Королева! Королева! – закричала Мария-Антуанетта.

Магнусу показалось, что она хочет убедить в этом саму себя. Что рассудок не изменил ей, несмотря на все происходящее. Он подошел к ней и щелкнул пальцами у ее лица. Бедная женщина тут же лишилась сознания и упала на руки Магнусу.

– Зачем королеве Франции ходить одной посреди ночи по улице? – сказал он, обращаясь к Сен-Клауду.

– И я бы хотел это знать.

– В том-то и дело, мой дорогой друг, что это не королева. Это Жозетт. Она должна была походить на королеву во всем. Сначала мой клиент просил изменить только внешность, но потом настоял на большем. Жозетт абсолютно убеждена, что она – Мария-Антуанетта. Перед тем как поехать к вам, я как раз работал над этим, но... она перепугалась и убежала из моих апартаментов. Возможно, она проследовала за мной сюда. – Он осторожно опустил королеву на землю.

Сен-Клауд подошел и взял ее за подбородок, внимательно всматриваясь в лицо.

– Э-э-э, видите ли, я еще не закончил работу, – на всякий случай сказал Магнус. – Нельзя было допустить, чтобы женщина, как две капли воды похожая на королеву, разгуливала по улицам. Она не должна была выходить из дому, но...

– Что ж, поздравляю, вы отлично сработали, – после долгой паузы произнес вампир.

У Магнуса отлегло от сердца.

– Я всегда работаю безупречно, но... благодарю вас за похвалу.

– Чудо, сотворенное вами, несомненно придется по нраву моим гостям. Я настаиваю на том, чтобы вы продали ее мне.

– Простите, что? – вздрогнул Магнус.

Сен-Клауд нагнулся и провел пальцем по скулам королевы:

– Вы должны продать ее мне. Я заплачу вдвое больше, чем этот ваш клиент. Она восхитительна, и я просто обязан заполучить ее. Называйте цену!

– Но... Марсель...

– Ну-ну, Магнус. – Сен-Клауд шутливо погрозил пальцем. – У каждого из нас есть слабости, а слабостям надо потакать. Так или иначе, я ее заполучу.

О том, что выдуманный клиент важнее главы вампиров, не было и смысла намекать. Думать! Магнус должен был думать. И он знал, что Сен-Клауд внимательно наблюдает за ним.

– Что ж, если вы настаиваете... – нехотя произнес он. – Но, как я уже говорил, работа еще не закончена. Осталось несколько последних штрихов. Знаете, версальские манеры, они так сложны... И я еще не оставил подписи. Я люблю подписывать свою работу.

– Сколько на это потребуется времени?

– О, совсем немного. Я верну ее... завтра.

– Но я бы предпочел, чтобы она осталась здесь. Манеры для меня не имеют значения, а подпись... Сколько времени вам нужно, чтобы подписать свою работу? – спросил Сен-Клауд с легкой улыбкой.

– Довольно много, – улыбнулся в ответ Магнус. – У меня весьма изящная подпись.

– Готов принять подержанный товар, но предпочитаю, чтобы он был в идеальном состоянии. Не медлите, мой друг. Анри, Карл, отнесите мадам наверх, в Голубую комнату. Пусть месье Бейн поставит свою подпись. Мы все надеемся вскоре увидеть результат.

– О да, конечно, – кивнул Магнус и проследовал за вампирами в дом.

Положив королеву на постель, Анри и Карл удалились. Магнус закрыл дверь и загородил ее большим шкафом. Потом подошел к окну и открыл ставни. Голубая комната находилась на третьем этаже, и внизу была вымощенная булыжником площадка.

Магнус позволил себе выругаться, что делал крайне редко, а потом попробовал оценить ситуацию. Сам он смог бы выбраться, но что делать с королевой? И как ее вернуть Акселью?..

Он снова посмотрел в окно. Спуститься у них не получится, но вот подняться...

Например, на воздушном шаре.

Магнус был уверен в одном – от него потребуется много сил, чтобы сделать это. Воздушный шар, насколько он знал, находился на другой стороне Парижа. Он попробовал мысленно дотянуться до шара, и у него получилось. Свернутый шар лежал в беседке Булонского леса. Силой мысли Магнус вытащил его на траву, расправил, сделал невидимым и поднял в воздух. Закрыв глаза и потирая виски руками, он вел шар над темными деревьями парка, а потом над улицами Парижа, стараясь, чтобы тот не зацепился за высокие шпили церквей. Ветер помогал ему... и в то же время мешал, стремясь унести шар ввысь, но Магнус удерживал его.

Он знал, что силы рано или поздно иссякнут и он потеряет сознание. Но надеялся, что это произойдет не скоро.

Когда шар приблизился к особняку Сен-Клауда, он удвоил чары, постаравшись сделать его невидимым для вампиров, и осторожно подвел к окну. Затем, высунувшись из окна, ухватился за край корзины и подтянул ее к себе.

Тому, кто крадет воздушный шар, неплохо было бы знать, как он устроен. Понятно, что Магнуса устройство воздушного шара никогда не заботило – к чему ему это? Но когда он обнаружил, что над корзиной горит огонь, по спине заструился холодный пот. Выбора, однако, не оставалось.

Мучила его и еще одна проблема. Королева не была полной женщиной, но она была... тяжелой. Вероятно, в ее платье были зашиты драгоценности. Поднимет ли их шар?

Он щелкнул пальцами, и Мария-Антуанетта проснулась. Он успел провести пальцем по ее губам, заглушая крик, который она собиралась издать.

– Ваше Величество, – сказал он устало. – У меня нет времени объяснять, что все это значит, и нет времени представляться. Вы должны как можно быстрее шагнуть из окна. Вы ничего не видите, но там есть нечто такое, что поймает вас. Нам нужно спешить.

Королева открыла рот и, обнаружив, что потеряла дар речи, принялась бегать по комнате и швыряться в Магнуса тем, что попадалось под руку. Магнус морщился, глядя, как о стену разбиваются дорогие вазы. Ему удалось привязать шар к занавеске, и он схватил королеву за руку, собираясь подтащить к окну. Она изловчилась, выдернула руку и принялась колотить его маленькими кулачками. Удары причиняли Магнусу немалую боль.

– Ваше Величество, – прошипел он. – Ваше Величество, прекратите. Послушайте меня. Аксель...

При слове «Аксель» королева застыла. Именно этого и добивался Магнус. Он вытолкнул ее спиной вперед. Шар отлетел от окна сантиметров на тридцать, и королева упала в корзину только половиной тела. Она висела так, в ужасе болтая ногами в воздухе и пытаясь ухватиться за то, что не видела, хотя и ощущала. Магнус получил несколько пинков в грудь и лицо, прежде чем ему удалось затолкнуть королеву в корзину. Юбки закрыли ее лицо, и она представляла собой жалкое зрелище.

Запрыгнув в корзину, Магнус закрыл дверцу и, с облегчением вздохнув, отвязал шар.

Шар взмыл вверх. Королева сумела выпутаться из юбок и дотронулась до стенок корзины, глаза ее расширились от изумления, как у ребенка. Затем она медленно поднялась, посмотрела вниз и тут же упала в обморок.

– Когда-нибудь я напишу об этом мемуары, – сказал Магнус, взглянув на лежащую у его ног женщину. Пару дней назад он совсем по-другому представлял полет на воздушном шаре.

Шар летел убийственно низко. Ему, казалось, нравилось внезапно нырять вниз, к черепичным крышам и трубам. Королева заворочалась, приходя в себя, и от этого корзина раска-

чалась так, что Магнуса стало тошнить. На них внезапно напала сова. Небо было темным, и Магнус едва понимал, куда они летят.

Издав слабый стон, королева подняла голову.

– Кто вы? – слабым голосом спросила она.

– Друг вашего друга, – ответил Магнус.

– Куда мы...

– Лучше не спрашивайте, Ваше Величество. Вам не стоит знать ответ. Похоже, нас несет на юг, то есть совсем не туда, куда нужно.

– Аксель...

– Да. – Магнус перегнулся через борт и попытался разглядеть улицы внизу. – Да, Аксель.

Но вот вопрос: если бы вам нужно было найти Сену, где бы вы стали ее искать?

Королева посмотрела вниз и снова свалилась без сознания.

Магнус нашел в себе силы еще раз зачаровать шар, сделав его невидимым для парижан. Сил на то, чтобы самому превратиться в невидимку, у него не осталось, и кое-кто видел, как над домами плывет половина его тела. В свою очередь, Магнус увидел в окнах немало интересного.

Наконец он заметил внизу знакомый магазинчик, а вскоре вдали показался Нотр-Дам.

Остался один вопрос: где приземляться? Посреди Парижа посадить воздушный шар было нельзя. Даже невидимый. Тесно застроенный город был для этого неподходящей площадкой.

Оставался только один выход, пусть и не самый приятный.

– Ваше Величество, – сказал он, легонько толкнув королеву ногой. – Ваше Величество, просыпайтесь.

Королева пошевелилась.

– Вам не понравится, что я сейчас скажу, но, поверьте, это лучший из вариантов, – начал он издалека.

– Аксель...

– Так вот... Через минуту мы приземлимся в Сену...

– Что?

– Было бы неплохо, если бы вы зажали нос. В платье у вас, должно быть, много драгоценных камней, так что...

Шар стремительно снижался. Магнус исхитрился подвести его к промежутку между двумя мостами.

– Вы можете...

Он не успел договорить. Раздался удар, огонь потух, и лавина шелка накрыла Магнуса и королеву. Силы Магнуса были на исходе, но он сумел разрезать шелк, подхватить королеву под мышку, проплыть несколько метров и выбраться на берег.

Как он и рассчитывал, Тюильри оказался поблизости. Магнус дотащил королеву до ступеней дворца.

– Оставайтесь здесь, – сказал он, тяжело дыша; вода стекала с него ручьем.

Но королева снова упала в обморок. Счастливая...

Магнус вернулся к реке. Аксель наверняка кружит где-то поблизости. Они заранее договорились, что, если что-то пойдет не так, Магнус запустит в воздух голубую вспышку вроде фейерверка. Он так и сделал. А потом сел на землю и стал ждать.

Минут через пятнадцать к нему подъехала роскошная черно-зелено-желтая карета, в которой легко могли бы поместиться полдюжины человек. Спрыгнув с козел, Аксель бросился к Магнусу:

– Где она? Почему вы промокли? Что случилось?

– С ней все в порядке, – сказал Магнус, поднимая руку. – Это карета? Не слишком ли роскошно для беглецов?

– Вы правы, – кивнул фон Ферзен. – Но на этом настояли король и королева. Для них было бы неподобающе путешествовать в чем-то менее роскошном.

– Ну да, такую карету невозможно не заметить.

Аксель поежился. Он и сам думал об этом, но не решился возразить:

– Да, ммм... это карета. Но...

– Ее Величество на лестнице у дворца. Нам пришлось приземлиться в реке.

– Приземлиться?

– Это длинная история. Скажем, возникли некоторые сложности. Но не волнуйтесь, она жива.

Аксель упал на колени перед Магнусом.

– Вас никогда не забудут. Франция будет помнить, Швеция будет помнить, – тихо произнес он.

– Мне не нужно, чтобы меня помнили Франция со Швецией. Мне нужно, чтобы вы помнили меня.

Магнус был по-настоящему шокирован, когда Аксель решил первым поцеловать его. Поцелуй был страстным и внезапным, и Магнус на мгновение забыл обо все. О вампирах, о полете над ночным Парижем, о падении в Сену и о том, что ему предстоит объяснение с Сен-Клаудом. Остались только они двое, но длиться вечно это не могло.

– Иди. Береги себя. Иди, – шепнул Магнус, отстраняясь от Акселя.

Аксель кивнул с таким видом, словно сам был удивлен своему порыву, и побежал к ступенькам, где лежала Мария-Антуанетта. Бросив на Акселя последний взгляд, Магнус побрел прочь.

Возвращаться домой не было смысла. Вампиры Сен-Клауда наверняка уже добрались до его апартаментов. Самое лучшее было где-то переждать до зари, и он провел ночь у мадам Де***, своей новой любовницы.

Но утром он все-таки приехал на рю Барбетт. Входная дверь была открыта, и он осторожно вошел внутрь.

– Клод! Мари! Рагнор! – позвал он, стараясь не выходить из круга солнечного света у двери.

– Их здесь нет, месье, – сказал чей-то вежливый голос.

Анри... Ну конечно. Он сидел на лестнице.

– Надеюсь, вы не причинили им вреда?

– Тех, кого мы забрали, звали Клод и Мари. Кто такой Рагнор, я не знаю.

– Так вы не причинили им вреда? – снова спросил Магнус.

– Теперь им уже никто не причинит вреда. Господин велел передать вам благодарность.

Из них получатся хорошие вампиры.

Магнусу стало дурно. Мари и Клод были так добры к нему, а теперь...

– Хозяин хотел бы вас увидеть, – продолжил Анри. – Почему бы нам не пойти к нему вместе? Вы сможете переговорить вечером, как только он проснется.

– Думаю, я не могу принять ваше приглашение, – сказал Магнус.

– Если вы откажетесь, месье, Париж станет для вас весьма неприятным местом. И что это за господин был с вами? Рано или поздно мы узнаем его имя. Надеюсь, вы это понимаете?

Анри встал и попытался принять угрожающий вид, но он был всего лишь семнадцатилетним подростком.

– Думаю, ты забыл, с кем имеешь дело, мой юный друг, – сказал Магнус, подходя ближе.

Меж его пальцев заискрились голубые молнии. Анри невольно отшатнулся.

– Ступай домой и скажи своему господину, что я неумышленно досадил ему и немедленно покину Париж. Сам. Это серьезное наказание для меня, но я его заслужил.

Анри молча вышел.

Как Магнус и ожидал, внутри все было разгромлено. Мебель перевернута, на стенах – следы огня, книги разорваны, пропала большая часть картин... Кровать и одежда залиты вином – по крайней мере, ему хотелось думать, что это вино.

Он не стал наводить порядок. Один взмах рукой, и мраморный камин отошел от стены. Магнус достал из углубления тяжелый мешок луидоров, тугой сверток ассигнаций и несколько чудесных колец с цитрином, яшмой, рубинами и одним восхитительным голубым топазом.

Все это он спрятал на случай, если в его дом проникнут революционеры-мародеры. Революционеры... вампиры... теперь между ними не было никакой разницы. Кольца он надел на пальцы, ассигнации спрятал в пальто, а луидоры положил в элегантный кожаный саквояж. Затем он просунул руку глубже и вынул из тайника последний предмет: Серую книгу в зеленом бархатном переплете. Ее он тоже осторожно положил в саквояж.

За спиной раздался тихий шорох, он обернулся и увидел Рагнора, выползающего из-под кровати.

– Мой маленький друг, – сказал Магнус, поднимая испуганную обезьянку. – Я рад, что ты выжил! Пойдем. Мы покинем этот город вместе.

Когда Магнус узнал новости, он сидел у ручья в Альпах и мял в руках эдельвейс. После бегства из Парижа он пытался избегать всего, что связано с Францией: французов, французской кухни, новостей, о которых упорно шептались вокруг. Он наслаждался жирной свининой и отбивными из телятины, чтением книг и горячими ваннами. Его не тяготило одиночество – достаточно было общения с маленьким Рагнором. Но этим утром в гостиницу, где остановился Магнус, прибыл беглый дворянин из Дижона. Похоже, он был болтуном, но Магнусу совсем не хотелось тратить время на разговоры. Вот почему он отправился к ручью, но дворянин последовал за ним.

– Месье! – крикнул он Магнусу, взбираясь по холму.

– Да? – Магнус убрал с ногтя приставший лепесток эдельвейса.

– Хозяин гостиницы сказал, что вы не так давно прибыли из Парижа! Вы мой соотечественник, месье?

Магнус прибег к чарам, чтобы казаться одним из сотен знатных французских дворян, покинувших страну.

– Да, я прибыл из Парижа, – ответил он.

– О, так у вас есть обезьянка?

Рагнор бегал неподалеку, ему в Альпах нравилось.

– Месье, какое счастье, что я встретил вас! – Француз молитвенно сложил руки. – Я уже много недель не разговаривал с соотечественниками. По правде сказать, я не знаю, что мне делать. Настали ужасные времена. Ужасные! Вы ведь слышали о короле и королеве?

– А что с ними случилось? – спросил Магнус, стараясь выглядеть равнодушным.

– Их Величества, да хранит их Господь, пытались бежать из Парижа! Они добрались до Варена, где, как утверждают некоторые, короля узнал почтарь! Они были схвачены и отправлены в Париж. Ах, ужасные времена!

Не сказав ни слова, Магнус схватил Рагнора и вернулся в гостиницу.

Он не хотел думать об этом. В его мыслях Аксель и королевская семья были в безопасности. Так должно было быть. Но теперь...

Какое-то время он ходил кругами по комнате, а потом написал письмо, отправив его по адресу Акселя в Париже, и стал ждать ответа.

Три недели спустя пришло письмо из Швеции, написанное незнакомым почерком.

«Месье!»

Аксель передает, что у него все хорошо, и благодарит вас за заботу. Король и королева, как вы знаете, сейчас находятся в плену в Париже. Аксель уехал в Вену, чтобы ходатайствовать за них перед императором, но я боюсь, что он собирается вернуться в Париж, рискуя собственной жизнью. Месье, я знаю, Аксель высокого мнения о вас. Не могли бы вы ответить его от этого поступка? Я очень волнуюсь за моего брата».

Далее следовал адрес в Вене и подпись: «Софи». Аксель вернется в Париж. В этом Магнус был уверен.

Вампиров, оборотней, фей, демонов, Сумеречных охотников... всю эту братию Магнус мог понять. Но обычных людей – нет. В их действиях он не видел логики, строгого порядка. Их непредсказуемость... Мимолетность их жизни...

Магнус снова вспомнил голубоглазого пылкого красавца, который стоял в его гостиной. Потом чиркнул спичкой и сжег письмо.

Вампиры, булочки и Эдмунд Эрондейл

И в этот самый момент на мостовую прямо перед Магнусом приземлился светловолосый Сумеречный охотник, тот самый, на которого он обратил внимание в Институте. Красавчик спрыгнул, перевернувшись через голову, со стены.

Лондон, 1857 год

После печальных событий в разгар Французской революции Магнус начал испытывать к вампирам некоторую неприязнь. Эта нежить убивала слуг и угрожала его ручной обезьянке. Парижский клан до сих пор слал ему письма с угрозами. Вампиры очень злопамятны, и тому, кто перейдет им дорогу, уж точно не поздоровится. Магнус предпочитал общество менее кровавых существ, простите за невольный каламбур.

Кроме того, вампиры нередко совершали преступление, которое, на взгляд Магнуса, было хуже всего. Они не следили за модой! Бессмертные часто забывают, что время не стоит на месте, но вряд ли это можно считать оправданием для тех, кто во второй половине XIX века разгуливал в чепчике, вышедшем из моды еще при Наполеоне I.

Но теперь Магнус склонялся к мысли, что погорячился, утверждая, что *все* вампиры страдают отсутствием вкуса.

Леди Камилла Белькур была восхитительна, и одевалась она по самой последней моде. Когда он ее увидел, на ней было платье с кринолином; семь узких оборок из голубой тафты создавали впечатление, что гибкий стан поднимается из сверкающей голубой воды. Идеальную белизну едва прикрытой груди и точеной шеи подчеркивали густые блестящие кудри, обрамлявшие лицо. Один особенно длинный завиток лежал на изгибе ключицы, и взгляд Магнуса снова и снова возвращался к...

Да, к груди леди Камиллы.

Платье было восхитительно. Так же, как и грудь.

Однако Камилла Белькур отличалась не только красотой, но и наблюдательностью. Заметив взгляд Магнуса, она засмеялась:

– У детей ночи свои преимущества. Можно круглые сутки носить вечерние платья.

– Я об этом не задумывался, – ошеломленно сказал Магнус.

– Ах, я обожаю разнообразие и использую любую возможность сменить наряд. Если вечер полон приключений, может возникнуть множество поводов сбросить одежду... – Она наклонилась и шепнула ему: – Что-то подсказывает мне, что вы знаете толк в приключениях...

– Сударыня, со мной каждый вечер полон приключений. Но давайте продолжим разговор о моде. Это одна из моих любимых тем, – едва дыша, ответил Магнус.

Камилла улыбнулась, а Магнус тоже перешел на шепот:

– Или, если хотите, поговорим о поводах сбросить одежду. Это моя *самая* любимая тема.

Они сидели рядом на длинной скамье в лондонском Институте. Консул нудно вещал о соглашениях. По его словам выходило, что Сумеречные охотники чуть ли не даром хотели получить от колдунов с добрый десяток заклинаний. Магнус не видел в этих соглашениях никакой выгоды для нежити, но прекрасно понимал, почему нефилимам так не терпится их принять.

Он уже жалел, что согласился приехать в лондонский Институт. Только время напрасно потратил. Консул, какой-то Морг-Как-Его-Там, был просто влюблен в звуки собственного голоса.

И тут наступила тишина.

Магнус повернулся и обнаружил, что Консул смотрит прямо на него. Неодобрение на его лице читалось так же ясно, как руны на коже. И зрелище было не из приятных.

– Не могли бы вы хотя бы на секунду перестать флиртовать с вашей... соседкой? – ядовито спросил он.

– Флиртовать? Мы вели самый обычный разговор! – обиделся Магнус. – Если я начну флиртовать, об этом узнают все в этом зале. Я... Если я просто фриволен, то всякий доволен!

Камилла рассмеялась:

– Какая забавная рифма!

Шутка Магнуса немного развеяла обстановку.

– Я и сам не прочь с кем-нибудь поболтать, – произнес молодой зеленоглазый оборотень, Ральф Скотт. – Мы сидим здесь уже три часа, а нам не дали вставить ни слова. Похоже, право говорить тут имеют одни нефилимы.

– Поверить не могу, что я поднялась так далеко по течению Темзы и согласилась, чтобы меня вытащили из воды и поместили в большой аквариум *ради этого!* – фыркнула миловидная русалка Арабелла, и Магнус отметил ее наряд, украшенный ракушками.

Ее слова прозвучали так громко, что даже Морг-Как-Его-Там почувствовал некоторое смущение. У этих нефилимов такие длинные имена, подумал Магнус. Колдуны выбирают себе куда более короткие. Длинные фамилии – это так пафосно...

– Радовались бы, вонючие твари, что вам оказали честь, разрешив переступить порог лондонского Института, – огрызнулся Алоизиус Старквезер. – Будь я главой Института, здесь и духу вашего не было бы. Молчите! Пусть говорят те, кто достойнее вас.

Повисла неловкая пауза. Старквезер обвел глазами присутствующих, задержав взгляд на леди Камилле. Такой роскошный трофей мог бы украсить его коллекцию поверженных вампиров. В поисках поддержки Камилла растерянно повернулась к Алексу де Куинси, которого считала своим другом, но тот сделал вид, что ничего особенного не происходит. И тогда Магнус взял ее за руку. Кожа Камиллы была прохладной, их пальцы переплелись. Он увидел, как покраснел Ральф Скотт. Да он еще совсем мальчик! У Ральфа были тонкие черты лица, а огромные зеленые глаза выдавали все его чувства.

М-м, интересно, подумал Магнус, но не стал развивать эту мысль.

– Мы все должны получить шанс высказаться, – решительно сказал Ральф Скотт. – Я уже много слышал о том, какую выгоду извлекут из соглашений Сумеречные охотники. А теперь хочу услышать, что получают жители Нижнего мира. Дадут ли нам места в Совете?

Старквезер закашлялся. Одна из присутствующих дам поспешно встала.

– Простите! Кажется, мой муж так увлекся речью, что совсем забыл о закусках, – громко сказала она. – Меня зовут Амалия Моргенштерн.

Ах вот как, подумал Магнус. Моргенштерн... Ужасное имя.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – продолжила женщина. – Я позову служанку.

– Боюсь, псу сырого мяса не подадут, – усмехнулся Старквезер.

Кто-то глупо хихикнул. Ральф Скотт, положивший немало сил, чтобы собрать в зале нежить, побледнел. Он был единственным оборотнем в зале. Его младший брат Вулси попрощался с ним на ступенях Института. При этом он успел подмигнуть Магнусу, беззаботно тряхнув светлой шевелюрой.

М-м, интересно, снова подумал Магнус.

Феи явиться на встречу отказались, выполняя волю своей королевы. Из колдунов, кроме Магнуса, тоже никто не пришел. Магнус не питал никаких иллюзий насчет попытки заключить перемирие с Сумеречными охотниками, но ему было жаль юного оборотня, питавшего надежды на лучшее.

– Мы же в Англии, не так ли? – сказал Магнус, вежливо улыбнувшись Амалии Моргенштерн. – Я бы не отказался от булочек.

– Да-да, сейчас, – кивнула Амалия. – Со сливками?..

Магнус посмотрел на леди Камиллу:

– Сливки и прекрасные женщины! Что может быть лучше!

Ему нравилось дразнить Сумеречных охотников. Леди Камилле, судя по всему, тоже. Она прищурила зеленые глаза, как сытая кошка.

Амалия позвонила в колокольчик и произнесла:

– Пока мы ждем булочек, наш дорогой Родерик закончит свою речь!

– О боги, дайте мне сил... – простонал кто-то.

Родерик Моргенштерн – по мнению Магнуса, он заслуженно носил имя, звуки которого походили на те, что издавал бы козел, жующий гравий, – с воодушевлением продолжил. Амалия попыталась незаметно выскользнуть из зала, и Магнус подумал, что следовало бы предупредить ее: кринолин и незаметность – вещи несовместимые. Как только она распахнула дверь... в зал ввалились несколько юных нефилимов. Они походили на щенков, запутавшихся в своих лапах.

Глаза Амалии округлились от удивления.

– Это что такое? Вы... вы подслушивали?

Только один из них сумел приземлиться изящно.

Он упал на колено перед Амалией, как Ромео перед Джульеттой.

Волосы у него были золотые, черты лица – утонченные и изящные; в расстегнутом вороте рубашки виднелась часть руны, начертанной на белой коже.

Но самыми удивительными в его внешности были глаза: смеющиеся, нежные, светлосиние, как небо в предвечерний час, когда даже ангелы поддаются соблазну.

– Я не мог больше вынести ни минуты в разлуке с вами, дорогая миссис Моргенштерн, – пылко произнес юноша и взял Амалию за руку. – Я... я тосковал без вас!

Амалия улыбнулась и покраснела.

Магнус предпочитал темноволосых, но на сей раз судьбе было угодно, чтобы он расширил свои симпатии.

– Бейн! – окликнул его Родерик Моргенштерн. – Вы меня слушаете?

– Прошу меня извинить, – вежливо ответил Магнус, – но в зал вошел прекрасный юноша, и я отвлекся.

Пожалуй, не стоило этого говорить. Старейшины были возмущены. Представления о нормах поведения у нефилимов были очень жесткими, что неудивительно, ведь большую часть времени они проводили, бряцая оружием.

Зато леди Камилла, судя по всему, заинтересовалась Магнусом еще больше. Она оценивающе посмотрела на светловолосого Сумеречного охотника и, прикрывая улыбку рукой в перчатке, шепнула:

– Он восхитителен!

Амалия тем временем выпроводила непрошенных гостей – светловолосого юношу, еще одного, постарше, с густыми каштановыми волосами, и черноглазую девочку, похожую на воробья, совсем еще малышку. Обращаясь к темноволосому мрачному мужчине, Гренвиллю Фэйрчайлду, главе лондонского Института, девочка громко позвала:

– Папа!

– Ступай, Шарлотта. Ты знаешь, что должна делать и что делать не следует, – сказал Фэйрчайлд.

Вот он, путь воина, подумал Магнус. Долг превыше всего. И уж точно превыше любви.

Маленькая Шарлотта, будущая Сумеречная охотница, послушно удалилась.

Леди Камилла снова заговорила с Магнусом:

– Вы не поделитесь им со мной?

Магнус улыбнулся:

– Только не в качестве закуски, если вы это имели в виду.

Леди Камилла снова не сдержала смеха. Ральф Скотт недовольно фыркнул, Алекс де Куинси что-то раздраженно пробормотал себе под нос. Голос Родерика Моргенштерна среди общего шума слышать было все труднее.

Через несколько минут толпа служанок внесла серебряные подносы с закусками.

Опасаясь, что ее обойдут, Арабелла энергично заплескалась в аквариуме:

– Передайте, пожалуйста, булочку.

Когда Моргенштерн наконец закончил, собравшиеся уже потеряли всякое желание продолжать переговоры и хотели просто разойтись по домам. Магнус с большой неохотой покинул леди Камиллу.

Он уже давно не влюблялся, и свет любви от этого казался ему ярче... Признаться, в поисках нового чувства он уже давно вглядывался в разные лица, и многие вселяли в него надежду... Он мог бы написать целую поэму о том, что заставляет одинокие сердца искать неведомое... Всякий раз, когда Магнус обращал на кого-то внимание, его сердце пробуждалось и пело. Может быть, на этот раз? Может быть! Но...

Прогуливаясь по Темз-стрит, он строил планы, как бы снова увидеть леди Камиллу. Может, явиться с визитом к лондонскому клану вампиров? Ему было известно, что Алекс де Куинси жил в Кенсингтоне⁴.

Во-первых, это было бы проявлением вежливости с его стороны, а во-вторых...

– Как-никак, – вслух сказал он, помахивая тростью с набалдашником в виде обезьяньей головы, – столь привлекательные особы с неба не падают.

И в этот самый момент на мостовую прямо перед Магнусом приземлился светловолосый Сумеречный охотник, тот самый, на которого он обратил внимание в Институте. Красавчик спрыгнул, перевернувшись через голову, со стены.

– Восхитительные жилеты из красной парчи от портных с Бонд-стрит не падают с неба! – тут же воззвал Магнус к небесам.

Юноша нахмурился:

– Простите?

– Не обращайтесь внимания, это я на всякий случай... – сказал Магнус. – Вам помочь? Кажется, мы незнакомы...

Нефилим нагнулся и поднял шляпу, свалившуюся у него с головы во время прыжка. Потом церемонно покрутил ею, отвесив Магнусу поклон. Улыбка парня и его длинные ресницы были так привлекательны, что вполне могли бы стать причиной небольшого землетрясения. Магнус вспомнил Амалию Моргенштерн – понятно, почему она растаяла, хотя красавчик был для нее слишком молод.

– Четверо старейшин запретили мне приближаться к вам, поэтому я поклялся, что обязательно с вами познакомлюсь. Меня зовут Эдмунд Эрондейл. Можно узнать ваше имя? Кстати, они называли вас фигляром и жуликом.

– О, да это комплимент! Я польщен, – ответил Магнус и тоже поклонился: – Магнус Бейн, к вашим услугам.

– Ну вот мы и познакомились, – сказал Эдмунд. – Отлично! Скажите, вы действительно посещаете рассадники разврата?

– Случается.

– Так говорили Моргенштерны, когда выбрасывали тарелки, – беспечно заметил Эдмунд. – Пройдемся?

Выбрасывали тарелки? Когда Магнус понял, что это значит, настроение у него испортилось. Сумеречные охотники выбрасывают тарелки, к которым притрагивалась нежить. Они считают, что вампиры, оборотни, русалки и колдуны оскверняют их посуду!

Но Эдмунд не имел к этому никакого отношения.

Более того, он предложил ему пройтись – такого здесь, в Лондоне, ему еще никто не предлагал. Не так давно Магнус купил особняк на площади Гросвенор – купил, возможно, чересчур поспешно. После одного из недавних приключений он снова разбогател. Вообще-то он терпеть не мог, когда на его голову сваливались шальные деньги, и старался как можно

⁴ Кенсингтон – район в западной части центрального Лондона.

скорее избавиться от них, поэтому жил с размахом. В высшем лондонском свете его уже прозвали «Бейн-богач». Многие лондонцы мечтали с ним познакомиться, но Магнусу они казались кошмарными занудами. А Эдмунд... Эдмунд был исключением.

– Почему бы и нет? – наконец ответил колдун.

У Эдмунда загорелись глаза.

– Отлично! Сейчас никто не интересуется *настоящими* приключениями... Вам так не кажется, Бейн? Разве это не печально?

– Я редко слежую правилам, но одно из тех, которые все же стараюсь соблюдать, – это никогда не отказываться от приключений. Еще я избегаю романтических отношений с жителями моря; никогда не прошу того, чего хочу, – в худшем случае, будет неловко, в лучшем – все выйдет по-моему и кто-нибудь восхитительный сбросит одежду; всегда требую деньги вперед и никогда не играю в карты с Катариной Лосс.

– Почему?

– Она жульничает.

– Вот как? А я бы познакомился с женщиной-шулером. Ни разу такой не встречал, – грустно сказал Эдмунд. – Не считая Миллисент, тетки Гренвилля. Та в пикет любого уделает.

Магнус и представить не мог, что благородные Сумеречные охотники играют в карты, да к тому же жульничают. Он-то думал, что они посвящают досуг тренировкам, оттачивая свое боевое мастерство, и бесконечным беседам о своем превосходстве над другими.

Магнус перевел тему:

– Куда бы мы могли пойти? В человеческих клубах обычно не рады клиентам, у которых при себе много оружия. Это...

– Но у меня с собой почти ничего нет, – перебил его Эдмунд. – Несколько жалких кинжалов, стилет, пара кнутов...

Магнус моргнул:

– Арсенал, конечно, небогатый, но суббота обещает быть интересной...

– Отлично, – просиял Эдмунд Эрондейл.

Клуб Уайта на улице Сент-Джеймс внешне почти не изменился. Магнус с удовольствием окинул взглядом белый каменный фасад: греческие колонны, своды и окна, каждое из которых было похоже на отдельную часовню; кованый балкон со сложным спиральным орнаментом, напоминавшим раковины улиток; полукруглое окно, в которое наверняка смотрел кто-то знаменитый, следя за каплями дождя, наперегонки бегущими по мутноватому стеклу. В свое время клуб этот был основан итальянцем, считался притоном, и иначе как *гнусным* лондонские аристократы его не называли.

Когда Магнус слышал, как что-нибудь называют *гнусным*, он сразу понимал, что это место придется ему по душе. Поэтому он и вступил в клуб Уайта, оказавшись в Лондоне несколько лет назад. И еще потому, что поспорил с Катариной Лосс, которая утверждала, что членского билета ему никогда не дадут.

Эдмунд раскачал один из черных чугунных фонарей над дверью. Колышущийся язычок пламени внутри фонаря казался тусклым по сравнению с его глазами.

– Раньше разбойники пили здесь горячий шоколад, – беспечно сказал Магнус Эдмунду, когда они вошли внутрь. – Его здесь очень хорошо готовят, а разбойникам часто приходится мерзнуть.

– Вам когда-нибудь приходилось говорить кому-нибудь «Кошелек или жизнь»?

– Скажу, мой друг, только одно – мне к лицу маска и большая шляпа.

Эдмунд снова рассмеялся – легко, как ребенок. Судя по всему, местечко ему понравилось. Задрал голову, он оглядел потолок, с которого свисали люстры с настоящими драгоцен-

ными камнями, и только потом заметил столы, покрытые зеленым сукном в правой части зала; за этими столами игроки проигрывали в карты целые состояния.

Магнус с удовольствием наблюдал за юношей. Здесь, в этом златном заведении, красота его казалась особенно хрупкой. Удивительно, но Эдмунд, хоть и был нефилимом, не относился к нему, колдуну, настороженно. Похоже, мальчишка еще не научился что-либо воспринимать всерьез. Он просто искал развлечений – молодая кровь в нем так и бурлила.

Эдмунд указал на двух мужчин, один из которых сделал запись в большой книге, завершив ее решительным росчерком пера.

– Что там происходит?

– Полагаю, заключают пари. Здесь, в клубе, есть знаменитая книга для записи пари. Списать можно о чем угодно – например, сможет ли джентльмен соблазнить даму на воздушном шаре на высоте тысячу футов над землей или прожить день под водой.

Магнус нашел пару свободных кресел у камина и заказал выпивку.

– А вы бы смогли? – поинтересовался Эдмунд. – Нет, не жить под водой... Вы бы смогли очаровать даму?..

– О полете на воздушном шаре у меня остались неприятные воспоминания, – сказал Магнус, поморщившись. – Королева Мария-Антуанетта была интересной, но не слишком приятной попутчицей. И я не стал бы предаваться плотским утехам на воздушном шаре ни с леди, ни с джентльменом, какими бы милыми они ни казались.

Эдмунд Эрондейл ничуть не удивился тому, что Магнус считал возможным любовь с мужчиной.

– А я вот мечтаю о даме на воздушном шаре, – признался он.

– Ясно, – кивнул Магнус.

– Знаете, мне лестно, когда мной восхищаются, – сказал Эдмунд с той же неотразимой улыбкой, которая очаровала Амалию Моргенштерн. – А восхищаются мной всегда.

Это прозвучало вызывающе, но Магнус был уверен, что Эдмунд Эрондейл играет на публику, то есть на него.

– Ясно, – снова сказал он и уточнил: – Вы мечтаете о конкретной женщине?

– Не уверен, что мне по душе узы брака. Зачем ограничиваться одной конфетой, если можно съесть всю коробку?

Магнус поднял брови и сделал глоток превосходного бренди. Наивный мальчишка – он пока еще не знает, что такое разбитое сердце!

– Вижу, вы не знаете, что такое сердечная боль, – сказал он.

– А вы... Вы намереваетесь это сделать? – встревожился Эдмунд.

– Разве я отважусь причинить вред человеку, вооруженному до зубов? Я просто имел в виду, что вы пока не знаете, что такое горе.

– Еще ребенком я потерял родителей, – признался Эдмунд. – Мало кто из Сумеречных охотников вырос в полной семье. Фэйрчайлды усыновили меня и вырастили в Институте, его коридоры стали для меня родным домом. А если вы о любви, то нет, мне еще никто не разбивал сердце. И не думаю, что когда-нибудь разобьет.

– Вы не верите в любовь?

– Любовь, свадьба... Что в этом хорошего? Один мой знакомый, Бенедикт Лайтвуд, недавно связал себя узами брака, и то, что из этого вышло, просто ужасно...

– Понимаю. Когда в жизни друзей происходят изменения, привыкнуть к этому бывает тяжело, – сочувственно произнес Магнус.

– Он мне не друг, – скривился Эдмунд. – Просто мне жаль его избранницу. Бенедикт – человек довольно странных наклонностей, если вы понимаете, о чем я.

– Не понимаю, – признался Магнус.

– Он немного чокнутый. Мы зовем его Дурной Бенедикт. В основном за то, что он постоянно путается с демонами. Чем больше шупалец, тем лучше. Ну, вы понимаете...

– А! – воскликнул Магнус. – Я знаю, о ком вы. Этот человек как-то купил у моего друга несколько... необычных гравюр и килографий.

– У него есть еще два прозвища: Бенедикт Червь и Бенедикт Зверь, – продолжил Эдмунд. – Он рыщет по ночам, пока мы спим. Конклав считает его совершенно ненормальным. Бедняжка Барбара! Боюсь, она слишком поспешила с замужеством. Но дело в том, что ее сердце было разбито, и...

Магнус откинулся на спинку стула.

– И кто же разбил ей сердце? – спросил он с интересом.

– Женские сердца – как фарфор на каминной полке. Их много, и так легко разбить одно, даже не заметив, – с легкой грустью пожал плечами Эдмунд и недовольно обернулся – о его кресло споткнулся господин в весьма безвкусном жилете.

– Простите, – сказал мужчина. – Кажется, я несколько нетрезв!

– О да, я готов проявить милосердие и поверить, что вы были пьяны, когда одевались, – пробормотал Магнус.

– Что? – переспросил незнакомец. – Меня зовут Олванли. А вы?.. Вы ведь не один из этих индийских нуворишей?

Магнусу не очень-то нравилось объяснять белым европейцам, не способным отличить Шанхай от Рангуна, откуда он родом, но, с учетом беспорядков в Индии, то, что его приняли за индийца, не сулило ничего хорошего. Он вздохнул и вежливо представился.

– Эрондейл, – представился Эдмунд; открытая улыбка сделала свое дело.

– Так вы новички в клубе? – дружелюбно спросил Олванли. – Ну и ну! У нас, британцев, сегодня праздник. Выпьем стаканчик за мой счет?

Действительно, повод для праздника был, и еще какой: королева Виктория счастливо разрешилась от бремени, мать и новорожденная принцесса чувствовали себя прекрасно.

– Выпьем за здоровье принцессы Беатрис! За королеву!

– У бедняжки, кажется, теперь девять детей? – спросил Магнус. – Она, вероятно, так утомилась от этой оравы, что не смогла придумать для малышки оригинального имени. И уж точно слишком устала, чтобы править королевством. Непременно выпью за ее здоровье.

Эдмунд тоже был не прочь выпить, но оговорился и в здравие назвал королеву Ванессой, а не Викторией.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Магнус. – Послушайте-ка его! Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Эдмунд пересел за стол и увлекся игрой в макао⁵. Магнус с некоторым волнением наблюдал за ним. Люди, которые верят, что им всегда и во всем сопутствует удача, опасны за карточным столом. А с темпераментом Эдмунда это вполне могло закончиться катастрофой. В том, как сверкали глаза юноши, цвет которых теперь напоминал море перед штормом, было что-то пугающее.

Море... Магнус подумал, что Эдмунд похож на корабль, который несется по волнам, отдавшись на волю ветра. Сможет ли он когда-нибудь бросить якорь в тихой гавани или разобьется о скалы, оставив после себя жалкие обломки?

Вообще-то Магнусу совершенно незачем было нянчиться с Сумеречным охотником. Эдмунд мог сам о себе позаботиться. Ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы уговорить Эдмунда отправиться на прогулку по ночным улицам, – надо было немного протрезветь.

⁵ Макао – азартная карточная игра, распространенная в начале XX века. Названа по имени города Макао (Китай), крупнейшего центра игорного бизнеса на Востоке.

Они шли по Сент-Джеймс-стрит, пустынной в этот час, и Магнус рассказывал о своих приключениях в Перу. Вдруг он почувствовал, что Эдмунд насторожился. Он напоминал пойнтера, услышавшего, как в кустах шевельнулась мышь, – стройное мускулистое тело напряглось.

Магнус проследил за взглядом Эдмунда и увидел человека в котелке, который придерживал дверцу кареты, о чем-то споря с пассажиром.

Через мгновение произошло нечто ужасное: человек в котелке схватил за руку женщину, сидевшую в карете, и попытался вытащить ее на улицу.

Одета она была просто, как горничная или камеристка.

И он бы добился своего, если бы не вмешалась другая пассажирка – миниатюрная темноволосая женщина, шелковое платье которой шелестело, а голос гремел подобно грому.

– Отпусти ее, мерзавец! – громко воскликнула она, хлестнув мужчину по лицу своим чепцом.

Вздрогнув от неожиданности, мужчина отпустил камеристку и схватил за руку ее спутницу. Женщина вскрикнула, скорее от ярости, чем от страха, и ударила обидчика в нос. В эту минуту Магнус с Эдмундом увидели его сверкающие ядовито-зеленые глаза.

Демон! – подумал Магнус. И очень голодный, если охотится за женщинами посреди Лондона.

И этому демону здорово не повезло, что рядом оказался Сумеречный охотник.

Но Сумеречные охотники, как правило, не вступают в схватку с демонами поодиночке, и вдобавок ко всему Эдмунд Эрондейл был пьян.

– Хорошо, – сказал Магнус. – Давайте-ка остановимся и подумаем... Ах, вы уже убежали... Отлично. – Пальто Эдмунда уже лежало на мостовой, а шляпа медленно кружилась рядом.

Эдмунд подпрыгнул, сделал сальто, приземлился на крышу кареты и выхватил кнуты, которые прочертили две сверкающие дуги на фоне ночного неба. Он действовал с удивительной ловкостью, во взъерошенных волосах вспыхивали золотые искры, освещая лицо. «Лицо не смешливого мальчишки, а сурового ангела», – любясь, подумал Магнус.

Один кнут обвился вокруг талии демона, другой затянулся у него на шее. Мгновение – и демон рухнул на землю.

– Ты слышал, что сказала дама, – произнес нефилим. – Отпусти ее.

Ощерив зубастую пасть, демон поднялся и рванулся к карете. Магнус поднял руку, и дверца кареты захлопнулась, сама карета проехала немного вперед, хотя кучера на козлах не было, а на крыше до сих пор стоял Эдмунд. Но парень не потерял равновесия. Ловко, как кошка, он спрыгнул на мостовую, свалил демона с ног и наступил ему на горло. Извиваясь, тварь начала менять очертания.

Магнус услышал, как скрипнула дверца кареты: дама, ударившая демона, собиралась выйти.

– Мэм, – вежливо сказал Магнус, приближаясь к ней, – не советую вам выходить, пока на улице идет бой.

Она взглянула на него. Большие темно-синие глаза были цвета неба перед самым наступлением сумерек, а тщательно уложенные волосы – цвета ночи. Женщина не выглядела испуганной, хотя рука, которой она ударила демона, все еще была сжата в кулачок.

Магнус пообещал себе чаще бывать в Лондоне. Здесь живут настоящие красавицы!

– Мы должны помочь этому юноше, – сказала дама.

Когда демон принял свое настоящее обличье, сражаться ему стало намного легче. Эдмунд истекал кровью, но продолжал ухмыляться. Одной рукой он вытаскивал кинжал из-за голенища, а другой душил демона.

– Не бойтесь, леди. Он вполне владеет ситуацией, – заметил Магнус, и словно в подтверждение его слов Эдмунд вонзил кинжал демону в глаз.

Тот захрипел и забился в агонии.

Магнус отвесил дамам поклон. Камеристка съежилась в углу кареты и не ответила ему. Зато дама с блестящими черными волосами и синими глазами подала Магнусу руку. Рука была маленькой, нежной и теплой, и она не дрожала.

– Меня зовут Магнус Бейн, – представился Магнус. – Можете позвать меня на помощь, когда окажетесь в опасности или когда вам захочется сходить на выставку цветов.

– Линетт Оуэнс, – ответила дама, и на щеках у нее заиграли очаровательные ямочки. – Я слышала, что в столице очень опасно, но это... это уж чересчур.

– Понимаю, все это кажется вам пугающим...

– Это был злобный фэйри? – спросила мисс Оуэнс. – Я из Уэльса, – добавила она. – У нас там еще верят в старинные легенды.

Она внимательно посмотрела на Магнуса. Корона из черных кос казалась слишком тяжелой для ее хрупкой шеи.

– Ваши глаза... – задумчиво произнесла она. – Должно быть, вы – добрый фэйри, сэр. А вот вашего спутника я опознать не могу.

Магнус обернулся и через плечо посмотрел на Эдмунда, о существовании которого почти забыл. Демон превратился в кучку черной пыли. Уничтожив врага, юноша обратил внимание на карету. Когда он увидел Линетт, его обаяние стало бить через край.

– Хотите знать, кто я такой? – спросил он, обезоруживающе улыбнувшись. – Эдмунд Эрондейл, к вашим услугам!

Он стоял посреди улицы, и в его глазах полыхало знойное лето.

– Не хочу показаться грубой или неблагодарной, – сказала Линетт Оуэнс, – но вы, случайно, не маньяк?

Эдмунд удивленно моргнул.

– Вы ведь разгуливаете по городу вооруженным до зубов. Или вы собирались сразиться с чудовищем?

– Ну, не то чтобы собирался... – сказал Эдмунд.

– Значит, вы не убийца? – спросила Линетт. – Тогда кто же вы?

– Мэм, – ответил Эдмунд, – я – Сумеречный охотник.

– Никогда о них не слышала. Вы умеете колдовать? – спросила Линетт, положив руку на рукав Магнуса. – Вот этот джентльмен умеет.

Она улыбнулась Магнусу, и это его порадовало.

– Рад был помочь, мисс Оуэнс, – пробормотал он.

Эдмунд выглядел так, будто его ударили по лицу рыбой.

– Разумеется, я не колдун! – возмутился он, как возмутился бы и любой другой Сумеречный охотник на его месте.

– Что ж, – сказала Линетт с легким разочарованием, – в этом нет вашей вины. Каждому из нас приходится довольствоваться тем, что есть. Я в долгу перед вами, сэр. Вы спасли меня от ужасной участи!

Эдмунд надулся от гордости:

– Забудьте об этом. Для меня будет честью проводить вас до дома, мисс Оуэнс. Ночью леди опасно появляться одной в районе Мэлл-Пэлл.

В воздухе повисла тишина.

– Вы имеете в виду Пэлл-Мэлл? – спросила Линетт и улыбнулась. – Похоже, кто-то выпил, но не я. Может быть, это мне лучше проводить вас, мистер Эрондейл?

Эдмунд растерянно заморгал. Магнус подозревал, что такое обращение было внове для парня, и это могло пойти ему на пользу.

Мисс Оуэнс повернулась к Магнусу:

– Это моя камеристка, ее зовут Ангхарад. Мы приехали из моего поместья в Уэльсе в гости к дальнему родственнику. Путь был долгий и утомительный, но я надеялась, что мы попадем в Лондон еще до наступления ночи. Глупо и безрассудно с моей стороны... Ангхарад так испугалась... Вы оказали нам неоценимую помощь!

В словах Линетт Оуэнс заключалось гораздо больше, чем она хотела сказать. Она легко назвала поместье *своим*, как женщина, которая привыкла быть сама себе хозяйкой. Дорогой материал, из которого было сшито ее платье, нечто неуловимое в осанке... Все это свидетельствовало о том, что мисс Оуэнс – богатая наследница. Скорее всего, она управляет поместьем сама, предпочитая не поручать это чужому человеку. Соседи, вероятно, считали это возмутительным, неподобающим женщине, да еще такой молодой и красивой. И ждали, что она, вступив в брак, передаст бразды правления мужу. Вот почему она приехала в Лондон – уэльские ухажеры пришли к ней не по вкусу, и она хочет найти мужа здесь, чтобы увезти с собой в Уэльс.

Магнусу казалось, что он угадал – мисс Оуэнс приехала в Лондон в поисках любви. И он понимал ее. Браки в высшем обществе далеко не всегда заключаются по любви, но у этой прекрасной дамы голова, судя по всему, была на плечах. Если она задалась целью выйти замуж за того самого, подходящего ей, она этого добьется.

– Добро пожаловать в Лондон, – сказал он.

Линетт кивнула, а потом посмотрела за спину Магнуса, и ее взгляд смягчился. Магнус оглянулся. Красавчик Эдмунд, на которого был устремлен взгляд Линетт, обмотал один из кнутов вокруг запястья, словно хотел таким образом сдерживать самого себя. Магнус подумал, что парень выглядит весьма и весьма пикантно.

Сжалившись над Эдмундом, Линетт вышла из кареты:

– Простите, если я была груба. И если вы решили, что я приняла вас за... *twpsyn*⁶. – Линетт тактично предпочла валлийский.

Она протянула ему руку. В ответ Эдмунд протянул свою, ладонью вверх, с кнутом, по-прежнему обмотанным вокруг запястья. На лице его появилось такое выражение, будто все происходящее вдруг обрело какой-то особый смысл.

Поколебавшись, Линетт положила руку на его ладонь:

– Я очень обязана вам за то, что вы спасли меня и Ангхарад от ужасной участи. Очень обязана, – повторила она. – Еще раз прошу простить меня, если я была неучтивая.

– Я прошу вам любую грубость, – сказал Эдмунд, – если только смогу увидеть вас снова.

Он смотрел на нее, не мигая. На мгновение время замерло. Серьезность Эдмунда работала гораздо лучше, чем расчетливые взмахи длинными ресницами и напускная развязность.

Линетт Оуэнс опустила глаза.

– Если не передумаете, приходите утром к леди Каролине Харкерт. Итон-сквер, 26, – наконец сказала она.

Эдмунд не сразу отпустил ее руку.

Прежде чем снова сесть в карету, Линетт обернулась к Магнусу. Ему показалось, что что-то в ней неуловимо изменилось.

– И вы тоже приходите, мистер Бейн. Если, конечно, захотите.

– С огромным удовольствием.

Он помог ей подняться в карету.

– Ах да, мистер Эрондейл, – выглянув из окна кареты, сказала мисс Оуэнс. – Кнуты, пожалуйста, оставьте дома.

⁶ Идиот (*валлийск.*).

Магнус сделал едва заметный жест, словно отсылал кого-то прочь. Между его пальцами заплясали ярко-синие искры. Карета без кучера покатила по лондонским улицам и вскоре скрылась в темноте.

На следующую встречу по поводу соглашений Магнус явился с большим опозданием. Признаться, ему не хотелось идти, к тому же его раздражали споры о месте ее проведения. Магнус был за то, чтобы встретиться где угодно, но только не в той части Института, которая была открыта для обычных людей. Амалия Моргенштерн как-то обмолвилась, что раньше там жили горничные и камердинеры Фэйрчайлдов. В свою очередь, нефилимы не захотели посетить «один из мерзких притонов нежити» (слова Гренвилля Фэйрчайлда), а предложение Магнуса встретиться на нейтральной территории, скажем в парке, они отвергли, сославшись на то, что рядом кто-нибудь может устроить пикник.

После нескольких недель ожесточенных споров представители Нижнего мира наконец сдались и согласились прийти в Институт, и именно в ту его часть, которая так не нравилась Магнусу. Единственным бонусом было то, что леди Камилла явилась в оригинальной красной шляпке и красных кружевных перчатках.

– Вы выглядите глупо и фривольно, – недовольно пробормотал Алекс де Куинси, когда все рассаживались за столом в большом, плохо освещенном зале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.